

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

Чему учит нас испанская революция? — Л. Л.
Анархизм и социализм. — Б. СТОЯНОВ.
П. Кропоткин и национальный вопрос — Л. ЛИПОТКИН.
Уриель Аноста. — Р. СЛОВЦОВ.
К событиям во Франции. — Г. ЛИЩИНА.
К вопросу об организации. — МУРОМЕЦ.
Культура и личность. — А. Ф. СМЫКАЛОВ.
Пушкин и декабристы. Пушкин в 1834 году. Как умирал
Виктор Гюго. —
Процесс 16-ти. — МАРК СТЕПНОЙ.
Бюллетень № 1 Русской Анархической Группы во Франции
— Стихотворения и мелкие заметки.

44
Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 СЕДЛ
КМ. В. С. ЕМИНА

PROBUZHDENIE

64-201 2919 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 78—79.

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ 1937 Г.

Чему учит нас испанская революция?

Разразившаяся революция в Испании все больше и больше привлекает внимание мира. Различные классы и партии кровно заинтересованы в том или ином исходе этой революции. Буржуазный мир с трепетом ждет поражения революции и победы фашизма, а рабочий мир, наоборот, ждет победы революции и сокрушения фашизма. Социалисты и коммунисты, анархисты и синдикалисты одинаково заинтересованы в победном исходе революции, хотя их ближайшие задачи и конечные идеалы, как известно, разнятся во многих отношениях.

Но кто может предсказать исход испанской революции? Победа или поражение этой революции зависит от многих внутренних и внешних условий. Конечно, героическая стойкость испанского народа непоколебима, но пока еще несокрушима и вражеские силы фашистских государств... Но если трудно или невозможно пророчески предсказать, чем закончится испанская революция: победой или поражением, то совсем не трудно, следя за развитием борьбы, ответить на вопрос: чему учит нас испанская революция?

В прошлом номере журнала, в передовой статье «Революционная борьба в Испании», мы, между прочим, писали, что «через всю историю Испании красной нитью

проходит героическая борьба за социально-экономическое освобождение — за полное освобождение от капитала, власти и церкви». Это до известной степени подтверждается теперешним периодом испанской революции.

Есть три пути в истории освободительного движения деспотических стран. Один путь — социал-демократический парламентаризм, ведущий к мирному сотрудничеству с буржуазией и не изменяющий основ капиталистической системы. Другой путь — большевистский коммунизм, ведущий к партийной диктатуре, социальному неравенству и новому рабству. Третий путь — свободный коммунизм, ведущий к социальной справедливости, свободе, равенству и безвластию. По этому последнему пути идет испанская революция. И она учит нас следующему:

Во-первых, мы должны знать, что фашизм, капитализм и власть — это неразрывная триединная сила, которая добровольно не уступит своих позиций и не откажется от господства. Против этой силы необходимо выставить объединенный революционный фронт. Во время революции надо отказаться от всякой диктатуры и вести борьбу за истинные идеалы социализма. Борьба должна вестись за общечеловеческое освобождение. Не человек должен слу-

жить социализму, а социализм человеку. Социализм может быть осуществлен только посредством борьбы, посредством революции, но эта революция должна служить идеалу общечеловеческого освобождения идеалу безклассового, свободного общества.

Во-вторых, против врагов — фашистов — внутренних и внешних — надо выставить сильный объединенный фронт всех трудящихся и угнетенных, всех социалистов, коммунистов и анархистов. Такой объединенный фронт вполне возможен, если только все партии будут рассматриваться, как равные стороны. Никакая партия не должна стремиться к гегемонии и захвату власти, не взирая на то, что та или иная партия является количественно или организационно наиболее сильной. Испанский социализм не знает коммерческих расчетов: кто больше, и кто меньше вкладывает в дело. Социализм, как идеал общественного равенства, стремится наградить всех одинаковой долей довольства и счастья. Наш общий враг фашизм тоже не считается с тем, кто лучший и кто худший социалист: как только он достигает власти, он одинаково бьет всех. И на борьбе с этим врагом надо сосредоточить все революционные силы народа.

В-третьих, надо помнить, что советская Россия не может стать орудием защиты мирового социализма. Россия занята своими собственными социальными экспериментами, она сильно охраняет свои государственные и национальные интересы и ни в коем случае не рискует ими ради интересов мирового социализма. К тому же Россия, ставшая на путь диктатуры и государственного социализма, не может служить примером для Испании: испанская революция борется против всякой партийной и классовой диктатуры и за идеалы свободного социализма. Надо, поэтому, помнить, что социализм должен стать в каждой стране самостоятельной революционной силой и добиваться победы в пределах собственной территории.

В-четвертых, социализм должен найти путь к привлечению в свои ряды средних классов: мелкое крестьянство, низшее духовенство и демократическую интеллигенцию. Эти элементы могут быть выиграны для дела социализма лишь в том случае, если начавшаяся революция, вместо установления фашистской или коммунистической диктатуры, широко и повсеместно провозгласит принципы свободы, равенства и довольства для всех.

В пятых, социализм может быть осуществлен в каждой стране только революционным путем; иные, не революционные пути ведут к продолжению рабства и реакции. Быть истинным социалистом, значит быть анархистом. Истинный социализм, т. е. анархизм, победит, как революционное движение трудящихся, или он вовсе не победит.

В шестых, социальная революция начнется не в странах с «высокой культурой» и малой революционностью, а в странах, в которых трудящиеся массы прошли суровую школу идейно — революционной борьбы и психологически подготовлены к восприятию новых — социалистических или анархических — идей. Испания — хороший пример: она является лучшим учителем в борьбе за истинную анархическую свободу.

Отмеченные пункты — наиболее характерные и поучительные признаки, выявленные в процессе испанской революции. Эта революция, идущая своим самобытным путем, переживает суровую разрастающуюся борьбу, богатую страданиями и жертвами, но полную вековыми чаяниями и надеждами на свободную жизнь. Революционная Испания давно уже восприняла истинные идеалы социализма и анархизма. Эти идеалы развились и углубились не в теории, а на практике, в самом процессе борьбы. И в настоящее время вся переделав Испания стремится воплотить эти идеалы в жизнь.

Таковы уроки протекшей испанской революции.

Л. Л.

АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Анархизм исходит и восходит к личности (индивидуальное начало), родившейся и развивающейся в обществе, но в том же обществе и погибающей, когда и поскольку общество становится самоцелью хотя бы только идеологически.

Социализм исходит и восходит к обществу (коллективное начало), ставя его самоцелью, личность же признает только средством. Правда, все это делается иногда с оговоркой «временно», как это делает, напр. Энгельс и Бухарин. Но из двух одно, конечно: или личность — цель, тогда вне зависимости от времени, места и других обстоятельств она ценна, или личность — средство, тогда она средством останется навсегда при каких бы то ни было обстоятельствах. Признание общества самоцелью, если — хорошо, то хорошо вне зависимости от времени и других условий, ибо то, что хорошо, хорошо само по себе.

Признать же личность самоцелью, а рядом с этим «временно» укреплять общество, бросать ему «временю» на сечение личность подло — абсурдно: в будущем, когда общество пожравши достаточное количество жертв возмужает окончательно, станет во много раз сильнее, а главное ценнее идеологически для многих, тогда осаживать общество, превращать его в средство для самодовлеющей личности будет, пожалуй, слишком поздно. И если даже стать на ту точку зрения, что человек все сможет, то все таки нельзя не признать того огромного количества добавочных жертв, которые потребуются от личности сперва на усиление общества, а потом на борьбу с этим усилившимся врагом, за оформление его. И не целесообразнее ли сразу, без оговорок «временю», признать общество средством, личность самоцелью? И как ответ на последний вопрос:

Анархизм видит в обществе механическое соединение, при котором личность до-

стигает с наименьшей затратой энергии наибольших результатов.

Социализм же усматривает в обществе органическое соединение, при котором личность является только отдельной частичкой, отдельной клеточкой, «Великого существа», не имеющая даже самостоятельного бытия. Следовательно:

Анархизм, исходя из индивидуального начала и только в человеке усматривая смысл существования жизни, все свое внимание обращает на развитие и усовершенствование личности и приспособление общества для этой цели.

Социализм, исходя из коллективного начала и видя в обществе, в его развитии и совершенствовании смысл человеческой жизни, все свое внимание сосредотачивает на укрепление и усиление мощи общества, борясь со всем тем, и прежде всего, с личностью, что мешает укреплению и усилению коллективного момента общественной жизни.

Анархизм стремится освободить личность от всего, что мешает его развитию, разбить все цепи, сковывающие свободную самобытную личность.

Социализм стремится закрепителю личность, подчинить ее во всех своих действиях и функциях обществу. Иными словами, — анархизм идет путем свободы; социализм путем закрепощения, подчинения, путем власти.

Идеал Анархизма постоянно — личность, его путь — свобода. Идеал социализма — общество, его путь — власть. Свобода же и власть два совершенно несовместимых понятия. Итак, и идеалы и пути, и анархизм, и социализм, — различны и прямо противоположны.

Вот этого, к сожалению, анархисты, заключавшие союзы с социалистами, не знали и не понимали и теперь еще не знают и не понимают.

Б. СТОЯНОВ.

П. КРОПОТКИН И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

В русской анархической литературе национальный вопрос очень мало разработан. Даже П. Кропоткин — лучший анархический теоретик, — посвятивший долгие годы своей жизни разработке идей коммунистического анархизма, уделил очень мало внимания этому вопросу. За исключением нескольких статей по этому вопросу, помещенных им в 1907 году в листках «Хлеб и Воля», он в своих многочисленных произведениях мало касается национальной проблемы. Отдельные мысли и идеи Кропоткина по национальному вопросу можно найти в некоторых его книгах и брошюрах, но специальной работы по этому вопросу он не написал.

Это объясняется, вероятно, тем, что национальный вопрос мало волновал умы заграничных рабочих, в среде которых долгое время жил и работал Кропоткин. Но, когда после русской революции 1905 года национальные стремления угнетенных российских государством народностей стали все больше и больше проявляться, принимая часто форму открытых, революционных требований, Кропоткин не мог не заметить необходимости в определенном и ясном разрешении национального вопроса в России — стране, населенной многими национальностями. Ибо, как говорит сам Кропоткин в одном из своих произведений, «недостаточно просто сослаться на основные начала анархизма, требующие полной свободы для всех, без различия расы, веры и национальностей, а нужно ясно и конкретно разрешить национальный вопрос для каждой страны в отдельности».

Кропоткин подходит к разрешению национального вопроса с точки зрения анархизма. Анархическая теория всегда защищает ту точку зрения, что всякий народ имеет естественное право на свою культуру, — национальную жизнь, входя в то же время составным элементом в общий коллектив человечества. Он поэтому горячо приветствует стремление всех угнетенных народностей, хотя бы даже самых мелких, к национальному возрождению. Он

верит, что каждый шаг угнетенной нации, ведущий к пробуждению ее народного самосознания, облегчает путь истинного интернационального союза людей.

Кропоткин различает два понятия национального самосознания: «народное» и «господское». Народ есть союз людей, связанных между собой языком, культурой, обычаями и традициями. Этот общий штрих характерен как для индивидуума, так и для целого коллектива. Его нельзя уничтожить искусственным или насильственным путем. Народ может жить под чужим, иностранным игом, терпя неволю и страдания, но его естественные психологические и культурные особенности не могут быть уничтожены. И на двух примерах — из истории Европы средних веков и истории России прошлого века — он показывает жизненность и прогрессивность национальных идей.

Великий период вольных городов в средние века был характерен своей национальной разобщенностью европейских народов, но благодаря именно этому, их общая культура достигла наивысшего расцвета. Архитектура, живопись, искусство и литература — лучшие свидетели культуры средневековой эпохи. Славянофилы и народники в России, исходя из одних и тех же предпосылок, в своей дальнейшей эволюции пришли к совершенно противоположным выводам: славянофилы, оставаясь людьми господского сословия, создали из своей национальной веры лишь новую опору для самодержавия и православия, в то время, как народники, слившись с угнетенными трудящимися массами и проникшись их стремлениями, стали выразителями и защитниками народной самобытности и народной свободы. «Национализм» славянофилов, как сторонников господского класса, сделался оплотом реакции и шовинизма, а «национализм» народников, как защитников освобождения угнетенной крестьянской массы, был прогрессивным фактором в процессе освобождения трудового русского народа.

Кропоткин верит, что с приобщением угнетенных национальностей к современной культуре, с сознательным выступлением их на историческую арену, национальное движение среди угнетенных народностей не падает, а, наоборот, получает более прочную опору в массах. Безсознательный национализм масс, выразившийся раньше в отчуждении от всего чужого, заменяется теперь сознательным стремлением к национальному возрождению. Это стремление охватывает теперь самые широкие слои угнетенных национальностей, причем, не только буржуазия и интеллигенция охвачены этим стремлением, но в значительной степени трудящиеся слои, и в том числе передовой, революционный класс — пролетариат. Но это единство национальных стремлений трудящихся масс и буржуазного класса лишь кажущееся: стремясь как будто к одной и той же цели — к национальному освобождению, — пролетариат и буржуазия угнетенных национальностей совершенно различно понимают ее. Буржуазия стремится к национальному господству, в то время, как пролетариат стремится к полному освобождению от буржуазии и национализма, правильно считая, что возрождение всякой национальности наступит лишь после ее социального освобождения. Это различие в понимании идей национального освобождения имеет для Кропоткина и его отношения к национальному вопросу решающее значение.

В чем состоит главное значение национального вопроса?

Согласно взглядам Кропоткина, главное значение национального вопроса заключается в его коренном, социальном решении, ибо этот вопрос не может быть решен угнетенными национальностями вне их социального освобождения. Суть национального вопроса теперь, когда он из вопроса местного и внутри — государственного превратился в вопрос интернационального и даже мирового значения, состоит именно в борьбе народных, угнетенных масс и зависимых подневольных национальностей

против национальной эксплуатации и политического порабощения этих национальностей со стороны господствующей буржуазии. Разумеется, что речь здесь идет не о том, что буржуазия одной национальности побивает или может побить в империалистической войне буржуазию другой национальности, а о том, что господствующая буржуазия угнетает трудовые массы, а, угнетая и эксплуатируя эти массы, она тем самым толкает их на борьбу с империализмом и властью и делает их союзниками революционной борьбы. Основной пункт национального вопроса, следовательно, составляет часть общенародного освободительного движения и окончательное разрешение этого вопроса связано с социальной победой трудового народа.

Развивая свои взгляды на национальный вопрос, Кропоткин находит, что всякая культурно — прогрессивная нация, борющаяся против чужеземных угнетателей, тем самым вступает на путь освободительного движения — на путь социальной революции, ведущей к полному освобождению национальностей. Для подтверждения правильности этой мысли он ссылается на Россию (до-революционную) и указывает, что социально — революционная борьба польских, еврейских и грузинских рабочих не ниже революционной борьбы русских рабочих.

Такое утверждение Кропоткина является несомненной исторической истиной. Известно, что много рекрутов в революционную армию поставляли передовые элементы угнетенных национальностей: поляки, евреи, латыши, армяне, грузины. Известно также, что вся руссификаторская политика царского правительства не достигла цели: угнетенные народы не переняли «истинно — русской» идеи и казенного патриотизма. Наоборот, эта политика пробудила в них самую ожесточенную вражду к руссификаторам и заставила их еще более ожесточенно бороться за сохранение своего национального лица. В тех из них, которые сохранили стремление к национальной и политической независимости, как,

УРИЕЛЬ АКОСТА

Славу Уриелю Акоста дал театр. Почти сто лет назад, талантливый немецкий писатель, Карл Гуцков, написал эффектную трагедию, героем которой взял «Саддукея из Амстердама», жившего в 17 веке. Роль борца за свободную мысль, жерты фанатизма раввинов перенесли чуть ли не все трагикомии прошлого века. Пьеса пользовалась большой популярностью и в России, где ее играют еще до сих пор. Гуцков создал своего героя по образцу романтиков той эпохи «молодой Германии» и, в целях сценических, не стеснялся с би-

ографией Акосты. Правда, биография эта лишь теперь стала известна более или менее подробно, благодаря находкам архивных документов. На основании этих новейших данных, написан и очерк П. К. Луппола в книжке об Уриеле Акосте, в которой дан и перевод той малой части писаний еврейского еретика XVI века, которые дошли до нас. Это три главы из книги «О смертности души человеческой» и «Пример человеческой жизни», — замечательная автобиография Акосты, его предсмертная исповедь накануне самоубийства 1).

например, в поляках, чувство ненависти, засыпавшее одно время, пробуждалось с новой силой; это же чувство пробуждалось и среди тех народов, которые хотели сохранить хотя бы ограниченную быдую свободу.

У всех угнетенных национальностей всегда было сильно развито чувство симпатии ко всякого рода оппозиции «своего» государства, и в них, при этом, замечалась особая симпатия к тем революционным партиям, которые требовали замены современной насильственной централизации государства началом добровольного союза и федерации свободных национальностей. И в настоящее время, после мировой войны и европейских революций, приведших к децентрализации государств и независимости национальностей, все больше и больше обнаруживается стремление подвластных национальностей к свободной, автономной жизни.

События последних лет ведут нас к децентрализации государств и к федерации национальностей. Эти идеалы находятся в полной гармонии с основными принципами анархизма, стремящегося к интернациональному объединению народов. И в этом отношении надо надеяться, что полное разрешение национального вопроса осуществится в духе анархического учения П. Кропоткина.

Л. ЛИПОТКИН.

«Я родился в Португалии, в городе того же имени, обыкновенно называемом Опорто, — так начинает Акоста свою автобиографию. — Мои родители принадлежали к благородному сословию; они происходили из иудеев, некогда насильственно принужденных принять христианство в этом королевстве. Мой отец был верным христианином, человеком строгой честности, высоко ставившим честь и достоинство. В его доме я получил соответствующее достоинству воспитание. В слугах не было недостатка, а в конюшне стоял благородный испанский конь для верховой езды, в чем мой отец был очень опытен, я же с ранней поры следовал по его стопам. Обучившись некоторым искусствам, как пристойно благородным молодым людям, отдался я изучению науки права... По обычаю той страны, я был воспитан в папской христианской религии. Будучи уже юношей, я очень боялся вечного осуждения и старался точно соблюдать все предписания... На двадцать пятом году жизни, воспользовавшись

1) Уриель Дакоста. О смертности души. Пример человеческой жизни. Вступительная статья, редакция и примечания П. К. Луппола. Изд. «Академия», Москва. 1934. Стр. 173. В книге принято написание фамилии Акосты по португальскому начертанию — Дакоста. Мы сохраняем в статье привычное для русских и употребляемое в других языках — Акоста.

представившимся случаем, я получил церковную бенефицию, именно должность ризничного в коллегиальной церкви» (церковь, при которой существовала коллегия каноников).

Эти строки сообщают главные факты молодых лет Габриеля (так было его христианское имя) Акосты. Он принадлежал к зажиточному еврейскому дворянству, маравам, т. е. евреям, принявшим христианство. Приверженность отца Габриеля к католической религии не возбуждала никаких сомнений у инквизиции, которая с большой подозрительностью и в Испании, и в Португалии смотрела на этих евреев-католиков. Во всяком случае, Бенто Акоста умер спокойно, и Габриель, старший сын, стал главой семьи. Он был человеком просвещенным, — учился праву в двух университетах и в ранней молодости, как сам говорит, точно соблюдал все предписания католицизма. Но на пути к зрелому возрасту, его стали одолевать религиозные сомнения, прежде всего, в том пункте, который позже стал предметом его еретической книги: — «могут ли рассказы о загробной жизни быть достоверными, согласуются ли они с разумом?». Чтобы разрешить эти сомнения, Габриель стал внимательно изучать Евангелие, а затем перешел к Ветхому Завету. Книги Моисея удовлетворили его больше, чем учение Христа, между прочим и потому, что «Ветхому Завету верили иудеи и христиане, а Новому — только христиане». После долгих размышлений и сомнений, Габриель решил вернуться к вере своих далеких предков. Сделать это в Португалии было, конечно, невозможно. Тогда Акоста пошел на тяжелую жертву, — бросил родину, обезпеченное положение и тайком бежал в Голландию, где издавна находили убежище испанские и португальские евреи. К бегству Габриель склонил и всю свою семью, — мать, сестру и четырех братьев, с которыми делился своими религиозными сомнениями, и находил сочувствие. Тайком продал он отцовский дом, тайком же нанял корабль для путешествия. «Не без большой опасности, — рассказывает он, — вступили мы на

корабль, ибо не позволялось лицам еврейского происхождения удаляться из страны без особого королевского разрешения. Совершив плавание, прибыли мы в Амстердам, где нашли иудеев живущими свободно. Чтобы исполнить закон, мы тотчас же совершили обряд обрезания». Габриель принял имя Уриеля. Это было между 1612-1616 годом. (Хронология жизни Уриеля Акосты плохо установлена, в частности неизвестно точно и год его рождения. Можно думать, что он родился между 1580 и 1585 г.г., и, значит, приехал в Амстердам в возрасте около тридцати лет).

В год приезда в Амстердам Уриель женился. О жене его известно только, что ее звали Сарой и что умерла она в декабре 1622 года. (Тот роман с Юдифью, который занимает видное место в трагедии Гуцкова, представляет фантазию автора). Материально семья устроилась на новом месте недурно. Один из братьев Уриеля был совладельцем банка в Гамбурге, и сам Уриель занимался банковскими делами и из за них нередко ездил в Гамбург.

В самой амстердамской еврейской общине, пользовавшейся правом самоуправления, Уриель Акоста сразу почувствовал себя чужим. Человек просвещенный, образованный португалец, учившийся в двух университетах, он, по своему своему прошлому, был совершенно чужд той восточной еврейской религиозности, которой держались, так называемые, евреи «ашкенази», в большом числе переселившиеся в Голландию из Польши и Германии и получившие преобладание в церковных делах. Они приносили с собой правоверную раввинскую традицию, идеи каббалы и мелочный религиозный и бытовой ритуал, непонятный для марапов. «Немного дней спустя, после принятия иудейства, я узнал, — пишет Уриель Акоста, — что нравы и установления иудеев несколько не соответствуют предписаниям Моисея. Если закон следовало соблюдать безоговорочно, то плохо поступили, так называемые, мудрецы иудеев (раввины), изобретя столько полных отступлений от закона». И в один из своих приездов в Гамбург, Уриель Акоста отпра-

вил в Венецию, где была тогда авторитетная еврейская община, письмо с тезисами против «предания», т. е. еврейской раввинской изуствной традиции. Это был протест лишь против некоторых обрядов, лишь первый шаг к той настоящей «ереси», на путь которой вступил Акоста позже.

Но и этот протест вызвал негодование венецианских раввинов. Акоста был подвергнут заочно, так называемому, малому и условному отлучению. Это первое отлучение, сделанное в далекой Венеции, не имело для Уриеля фактического значения. Он еще несколько лет продолжал жить в Амстердаме, в общении со своими соотечественниками и единоверцами, но, конечно, уже стал для них «подозрительным». Акоста, впрочем, и не старался скрывать своих взглядов. В 1623 году закончил большую книгу, в которой, «по зрелом обсуждении, решено примкнуть к мнению тех, которые награду и наказание Ветхого Завета считают временными и нисколько не помышляют о загробной жизни и бессмертии души». Книгу Акоста напечатать не удалось. Три главы рукописи были у него похищены, и ученый маран Дасильва написал против них «Трактат о бессмертии души» включив туда и текст еретических глав. С выходом этого обвинительного акта, участь Акосты была решена. Раввины подвергли его 15 мая 1623 года «малому отлучению». Не только всем правоверным евреям запрещалось иметь с ним общение, но и «его братьям, с полным уважением было предписано отделиться от него в течение восьми дней». Уриель принял этот удар совершенно спокойно. Бросая новый вызов раввинам, он дополнил рукопись возражениями Дасильве и издал ее, под названием: «Исследование фарисейских традиций, в сравнении с писанным законом Уриеля, ерейского юриста, с возражением некому Самюэлю Дасильве, его живому клеветнику». (Отметим еще одну неточность в цитате Гудкова, который изображает Дасильву другом и покровителем Уриеля).

Раввины тотчас донесли на безбожника светским властям. Акоста был арестован, ненадолго впрочем, оштрафован на

300 флоринов и присужден «к потере книг». Книга была уничтожена так тщательно, что до сих пор не удалось, несмотря на все розыски, найти ни одного ее экземпляра.

Отлучение почти отделило Акосту от общества, так как с голландцами он не общался, не зная их языка, и только братья поддерживали с ним некоторые отношения. Но Акоста не мог выдержать больше десяти лет такой жизни, и в 1633 году предпринял шаги к примирению с иудейской общиной. В это время он уже перестал верить в божественное происхождение Моисеева закона и думал, что нет пользы оставаться отлученным. «Лучше войти в общение с ними и следовать по их стопам, по желанию их, разыгрывая, как говорят, обезьяну среди обезьян». И он «вновь вступил в общину, отрекшись от своих слов и подписав, что им было угодно». Но и эта сделка с совестью не дала Акосте покоя. Через несколько времени его племянник, мальчик, бывший у него дома, донес, что «по способу приготовления пищи и по другим делам обнаруживается, что он не иудей». Родные тоже становились все враждебнее еретiku, — помешали его второму браку, брат удержал у себя все деньги Акосты, которые находились в их общем деле. Раввины призвали еретика в синагогу, «и разнузданная толпа громко завопила: «распни его! распни!». От Акосты потребовали торжественного и униженного отречения с публичным бичеванием в синагоге. Выслушав это требование, Акоста «запылал гневом и ответил, что не может этого исполнить». Тогда раввины наложили на упорствующего херем, т. е. большое отлучение. До нас не дошел его письменный текст, но, конечно, он походил на тот документ, который через двадцать с лишним лет отлучал от еврейства в том же Амстердаме Спинозу. Вот заключение этого страшного проклятия:

«По произволению ангелов и приговору святых, мы отлучаем, отделяем и предаем осуждению и проклятию Баруха Эспинозу, с согласия синагогального трибунала и всей этой святой общины, перед

священными книгами Торы с шестьюстами тридцатью предписаниями, в них написанными, — тому проклятию, которым Иисус Навин проклял Перихон, которое Елисей изрек над отроками, и всем тем проклятиям, которые написаны в книге законов. Да будет он проклят днем и ночью, да будет проклят, когда ложится и встает, да будет проклят и при выходе и при входе. Да не простит ему Адонай, да разразится Его гнев и Его мщение над человеком сим, и да тяготеют над ним все проклятия, написанные в книге законов. Да содрат Адонай ням его под небом и да предаст его злу, отделив от всех колен Израилевых, со всеми небесными проклятиями, написанными в книге законов. Вы же, твердо держащиеся Адоная, нашего Бога, все вы ныне да здравствуете! Предупреждаем вас, что никто не должен говорить с ним ни устно, ни письменно, ни оказывать ему какую либо услугу, ни проживать с ним под одной кровлей, ни стоять от него ближе, чем на четыре локтя, ни читать ничего, им составленного или написанного.

Начались для Акоста последние, самые тяжелые годы. Против него возстали

все, и община, и ближайшие родственники. В конце концов, когда силы его окончательно сломались, он покался. В синагоге он вынес всю ту унижительную церемонию, которая так ужасала его: — в траурной одежде, со свечой из черного воска в руке, он прочел продиктованный ему текст отречения; затем его, обнаженного до пояса, подвергли бичеванию. После этого, он простерся у порога двери, и все выходившие из синагоги — мужчины и женщины, дети — переступали через его тело. «Ни одна обезьяна, — пишет он, рассказывая этот унижительный обряд, — не могла бы представить человеческим глазам более нелепых действий и более смешных жестов».

«Человеку благородному приличествует или по справедливости жить, или с честью умереть», — думал Акоста. После отлучения он «жил в печали» еще целых семь лет, но в конце концов решил «с честью умереть». В 1640 году Урмель Акоста покончил с собой. У его трупа нашли «жазобную рукопись» — «Пример человеческой жизни», горькую исповедь одинокого человека, вынужденного уступить «тем, которых много».

Р. СЛОВЦОВ.

Наедине с собою...

«В моем саду не встретите цветов».

В моем саду не встретите цветов,
В моем саду цветочные скелеты.
Вдыхая чад туманов и песков,
Безплодно в нем прожило лето.
Печален сад и почва в нем мертва,
Мертва, как саван северной пустыни.
На ней лишь куст один да скудная гряда:
Увядавшие левкой и георгины.
Моя душа, как этот мертвый сад,
В котором все до времени увяло;
На дне ее струит смертельный яд
И каплет кровь убитых идеалов.

На дне ее — страдания и разгул,
Смятенный гнев, поруганные страсти,
Свирепый рев и разъяренный гул
Слепой толпы и озверевшей власти.
Так тяжело мне в преддверьи темных дум
Гасить огонь моих былых стремлений
И слышать тех, кто, поднимая шум,
Бросает мне: Апостол преступлений!
И вот один в отравленном саду
Таюсь, как тать, преследуем толпою.
Не ведаю, зачем еще живу
Я Анархист... наедине с собою.

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

К СОБЫТИЯМ ВО ФРАНЦИИ

(«ПОБЕДА» НАРОДНОГО ФРОНТА)

Чтобы иметь более или менее ясное представление о том, что происходит сейчас во Франции, следует в нескольких словах осведомить читателей о первом изменении в социально-политической обстановке, создавшем наиболее благоприятные условия для массового движения за улучшение экономического положения трудящихся. о «победе» «Народного Фронта» на выборах в Палату Депутатов 26-го апреля — 3-го мая 1936 года.

Прежде всего, что такое «Народный Фронт» (Front Populaire)? Это — временное тактическое объединение подавляющего большинства радикальных и трудовых ассоциаций и партий, окончательно сорганизовавшееся и выработавшее свою платформу и программу действий в середине 1935-го года. В «Народный Фронт» вошли все левые политические партии от буржуазных радикалов (Радикально - Социалистическая Партия), правых-социалистов (Союз Республиканцев - Социалистов), проходя через социалистов (Социалистическая Партия) и независимых коммунистов (Партия Пролетарского Единства) до коммунистов - сталинцев (Коммунистическая Партия); кроме того, в него вошли ряд самых разнообразных ассоциаций, как например, Всеобщая Конфедерация Труда (Объединение Профсоюзов), Всеобщая Ассоциация Бывших Фронтовиков, Союз Офицеров - Республиканцев, Лига Прав Человека и Гражданина, Комитет Борьбы против Войны и Фашизма, Трудовая Федерация Спорта и Гимнастики, указывая только самые крупные организации.

Два обстоятельства побудили партии и организации создать этот фронт, действительно представляющий массовое объединение.

Во-первых, страх перед непрерывным ростом и усилением про-фашистских организаций («Огненный Крест», «Национальная Солидарность», «Патриотическая Молодежь», «Франсисы»), открыто подготовляю-

щих боевые дружины для борьбы с «предателями» и «казнокрадами» - демократами и уже пытавшихся (6-го февраля 1936 года) вызвать насильственный переворот, и желание противопоставить этим ура-патристам, фашистам — единый фронт демократии. Во-вторых, экономический кризис, принявший затяжной характер, всею тяжестью легший на плечи широких масс трудящихся, ремесленников, мелких коммерсантов и мелких служащих заставил эти партии и организации, опирающиеся и действующие от имени этих слоев населения выработать общую, приемлемую для всех, платформу экономического и политического действия, дающую надежду путем ее осуществления разрешить все проблемы, связанные с экономическим кризисом внутри страны и военной опасностью извне.

Созданию «Народного Фронта» очень помогла, точнее сделала возможным, «эволюция», выражаясь мягко коммунистической партии Франции после заключения и ратификации франко - советского договора о взаимной поддержке в случае военного нападения. С этого момента коммунисты-сталинцы резко переменили свой образ действий: вместо беспощадной травли социалистов стали искать сближения с ними и даже заговорили о слиянии партий. На месте полного подчинения профсоюзов — партии, приведшего к полному развалу и дроблению движения на враждующие фракции, — признание независимости профдвижения (синдикатов) от политических партий и тем самым дать возможность двум самым влиятельным центральным объединениям (Всеобщая Конфедерация Труда, Объединенная Всеобщая Конфедерация Труда) провести и на конгрессе в городе Тулузе в начале 1936 года, — окончательно утвердить их слияние. Взамен борьбы с милитаризмом, правда, весьма двойственной, вести самую, что ни на есть патриотическую пропаганду, дабы не разрушить воен-

ной мощи французской армии и кричать громче всех: «Да здравствует свободная, сильная и счастливая Франция!»

Вообще, чтобы не отпугнуть союзников справа — буржуазных радикалов, защищающих частную собственность — социалисты и коммунисты просто спрятали всю свою революционную фразеологию в карман и после, чуть не годовых секретных переговоров, шумно и театрално опубликовали эту платформу Народного Фронта, приурочив этот акт ко дню Национального Праздника 14-го июля 1935 года, когда все организации, вошедшие в Народный Фронт вместе вышли на улицу и устроили нечто в роде генерального смога своих сил.

Платформа Народного Фронта в общих чертах заключается в следующем:

Требования экономического характера.

1) Отмене 10% сбавок на жалование низших категорий служащих и рабочих государственных и общественных предприятий, проведенных с целью экономии.

2) Введение 40-часовой рабочей недели при сохранении ставок за 48 часов работы.

3) Введение коллективных договоров между предпринимателями и рабочими, через посредство их профессиональных организаций (синдикатов) и установление института фабричных делегатов, выбираемых непосредственно рабочими на месте работы, наблюдающих за выполнением законов и постановлений об охране труда и выполнении коллективного договора.

4) Скорейшее открытие общественных работ, для окончательной ликвидации безработицы.

Требования социально - политического характера:

5) Национализация предприятий, работающих на оборону.

6) Реорганизация Французского Банка (государственного) с целью ограничить привилегии крупных акционеров и сделать администрацию ответственной перед государством, а не перед акционерами.

7) Прекращение судебных преследований за неуплату налогов, аренд и квартирной платы, возбуждаемых против безра-

ботных, крестьян, ремесленников и мелких коммерсантов - жертв кризиса.

8) Полная амнистия по политическим преступлениям, по преступлениям военным и дисциплинарным на территории Франции и колоний.

9) Роспуск всех про-фашистских организаций и разоружение их боевых дружин.

10) Принять все меры к усилению международных гарантий мира путем увеличения престижа Лиги Наций и пропаганды за всеобщее разоружение.

11) Организация Хлебного Бюро с целью прийти на помощь крестьянам, не допуская падения цен на сельско - хозяйственные продукты.

Самым интересным в знаменитой демонстрации 14-го июля 1935 года, действительно собравшей в Париже несколько сот тысяч человек, — было наблюдать группы депутатов и сенаторов, примкнувших к Народному Фронту, — вчера еще, непримиримых врагов, а сегодня шествующих под ручку и вместе салютующих кулаком манифестантов. Этим «народным представителям» предшествовал огромный плакат с текстом клятвы Народного Фронта: «Мы приносим клятву становиться объединенными для защиты хлеба, мира и свободы, чтобы поставить фашистов вне возможности нападать на завоевания демократии и провести в жизнь программу Народного Фронта».

Пропагандируя Народный Фронт, все божды партий в него входивших, не раз заявляли и заявляют: «Мы совсем не собираемся разрушать рамки капиталистического общества, а только проведем программу Народного Фронта, создать условия подготовляющие установление социалистического порядка».

Создание этого объединения — Народного Фронта — позволило политическим партиям, в него входившим, опираться на все демократические организации его составляющие, получить абсолютное большинство мест в Палате Депутатов (385 на 618) и тем самым иметь возможность провести свою программу. Такой крупный успех на выборах был неожиданным даже для На-

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Ознакомившись с резолюцией районной конференции делотрудовцев и пробужденцев от 19-го апреля 1936 года, я был очень рад, что точка зрения постепенного сближения явилась не только моим пожеланием, но и почти общим мнением участников конференции. Я думаю, что это — наиболее верный путь объединения русского анархического движения в Америке. Но, к сожалению, только в Америке! Именно, эта локализация вопроса пределами мест-

родного Фронта и ударом для всех реакционеров, прилагавших все усилия на борьбу с ним и проповедывавших, что приход к власти Народного Фронта равносильна наступлению периода кровавых беспорядков и революционного переворота.

Уже прошло много времени как Народный Фронт, возглавляемый социалистической партией, взял власть в свои руки и рьяно печет законы, проводя в жизнь свою программу и уже можно видеть несколько осуществимых обещания «не разрушая рамок капиталистического строя», подготавливать приход социалистического порядка, а также улучшить социальное и экономическое положение трудовых масс и мелких предпринимателей.

Г. ЛИЩИНА.

P.S. Приход к власти Народного Фронта ознаменовался невиданным во Франции по размаху и по методам стачечным движением, захватившим все, без исключения, профессии и отрасли труда. Это стихийное движение характеризуется тем, что рабочие и служащие, не ожидая когда кончится законодательная волокита проведения в жизнь программы Народного Фронта, потребовали от хозяев немедленного осуществления ряда экономических и социальных требований.

Первая стачечная волна закончилась капитуляцией предпринимателей, но борьба еще не закончена и об этом движении я постараюсь осведомить в следующей корреспонденции.

ных нужд и, в то же время, полное забвение самого главного пробела — организации нашего движения — заставляет меня воспользоваться открывшейся дискуссией (желание конференции), чтобы обратить внимание на то, что было главным предметом и моих предшествующих писем.

Товарищи! Я беру на себя эту смелость так упорно настаивать на моем предложении, не в силу каких-нибудь случайных настроений и не в силу теоретических увлечений, а в силу всех тех событий, которые происходят в настоящее время и мимо которых мы, как движение революционное, не можем пройти в качестве безучастных зрителей, но, в то же время, и не можем, бессильны реагировать на них, так как движения мы все-таки не представляем в том виде, в каком мы находимся в данный момент.

Я уже упоминал, что ошибочно считать и видеть в анархизме сектантскую природу. Достаточно вспомнить, что идея революционного анархизма родится в недрах Первого Интернационала, который раньше всего ставил вопрос объединения трудящихся всего мира, т. е. выдвигал идею организованного движения.

Анархическое движение того времени смотрело на себя как на единое движение не только по идее, но и действительно организовано было спаяно в единую организацию. Принципы организации и организованной жизни ее отделяли от авторитарного социализма, уже тогда по существу приближавшегося к партийной сущности.

Анархизм пошел по другому пути, но он считал, что цель его может быть достигнута только при сплочении наших сил, при координации наших действий.

Я уже указывал, как жестоко мы расплатились и как много мы упустили в период Русской Революции, только потому что мы не имели, не объединили наших сил и не вступили как единое движение. И хуже всего было то, что раскол нас раз-

единял, не то, что мы успели до революции или в период революции расколоться в силу тех или иных причин, а просто потому, что мы жили жизнью отдельных маленьких групп, часто скептически смотревших на всякую попытку объединения, считая, что только они являются истинными выразителями и носителями истины и совершенно забывая, что как бы ни были они правы, они, прежде всего, беспомощны для такого действия, как Революция, так как район* их действия слишком незначителен, чтобы действительно дать себя услышать.

Обычно принято ссылаться, что истинная творческая роль в революции всегда происходит в низах, на местах. Совершенно верно. И против этого найдется противник не только в анархических рядах. Но только дело еще и в том, что вся эта низовая жизнь всегда стремится не только предъявить права на свою самостоятельность, но и объединиться, влиться в общий поток, выработать общие нормы, быть не только местной единицей, но и войти в одно целое со всеми. И это последнее стремление диктуется все теми же естественными законами, как и право на личную свободу, на местную самостоятельность, которая, в таком объединении, не умаляет своего права и достоинства, а, наоборот, защищает, приобретает силу для защиты.

Совершенно естественно, что всякое объединение неизбежно приводит к некоторому ограничению, к известной уступке. Это — закон всякого объединения. Достаточно поселиться двум человекам в одной комнате, как сразу эти сожители почувствуют, что их действия должны подчиниться каким-то общим договорным нормам или жизнь их станет невыносимой. Даже беседа случайная и временная за столом приводит к необходимости быть сдержанным и не позволять себе всего того, что каждый из собеседников проделал бы, если бы он был один.

Вероятно многие из читателей возмутятся, прочитав все эти строки. Ведь — это все настолько банальные истины, что

просто непонятно, как можно их приводить в качестве серьезного аргумента! И все-таки я вынужден был об этом говорить, хотя это и действительно банальные истины и были банальными истинами в период Русской Революции и в то же время такой взгляд нередко практиковался в анархических организациях.

Вероятно многие товарищи, участники Русской Революции, могли бы найти в своих воспоминаниях то, о чем я говорю. И это вовсе не было присуще только каким-то непримиримым индивидуалистическим группировкам. Вспомним как я уже говорил, воспоминания Махно о визитах к видным деятелям анархизма. В той или иной мере, это было общим явлением и характерной особенностью нашего движения. Право свободного объединения выливалось в такое понятие о свободе, которое скорее звучало как софизм, все практические и идейные невыгоды которого обращались против нас же самих.

Нет ничего удивительного, что реакция против такого положения не заставила себя ждать. Платформизм выступил против хаотического анархизма с предложением организовать партию. Ужасно было в этом, пожалуй, не то, что они предложили создать партию, а то, что организованную жизнь они также, как и все политические властнические партии, не мыслили себе вне партии в то время, как анархизм претендует именно на то, что наиболее совершенный и прогрессивный вид организации исключает партийную форму. А между тем, этот клич вызвал не только чувство протеста, но, в очень значительной степени, и сочувствие.

Вспомним, что это начинание было поддержано воззванием из России, которое было подписано самыми авторитетными участниками русского анархического движения.

Покойная тов. Корн, хотя и не призывала к платформистам, однако, и не высказывала враждебности организации анархического движения в партии и даже пыталась найти исторический прецедент такой постановке. Дело, конечно, не в

названия, хотя ссылку тов. Корн на то, что многие видные анархисты называли анархическое движение партией, можно было бы упомянуть здесь в подтверждение моего взгляда, что то, что мы имеем и имели в период Русской Революции, вовсе не есть постоянное состояние и нормальное состояние нашего движения. Что эти товарищи продолжали видеть его, как единое, объединенное, а вовсе не мыслили его действительно партией, против которой они одновременно и выступали.

Я все-таки вижу в партии не просто организацию и единство, а как определенную политическую форму, вызванную к жизни такими же определенными политическими государственными формами.

Партия родилась в недрах английско-го парламентаризма, как и вождь партий-лидр. В современной формальной или буржуазной, если угодно, демократии, партия является совершенно неотъемлемой служебной представительницей «народного суверенитета», как и выражением общественного мнения. По природе своей, партия, как выразительница общественного мнения, и парламентская идея представительства «народного суверенитета» — совершенно идентичны. В последнее время партия выступила в новой роли: монополиста государственной жизни.

Такая постановка дела существенно изменяет ее первоначальный смысл и значение. Вернее говоря, она встает в полную противоположность старой партии.

Государственный монополизм ее опирается уже не на принцип «народного суверенитета», а исходит из понятия ИДЕОКРАТИИ, т. е. ее право покоится на непогрешимости той идеи, носительницей которой она является и, путем ее осуществления, она обязуется разрешить все социальные неудобства. При такой постановке вопроса, естественно, партия берет на себя всю полную государственную власть. Власть ей совершенно необходима и власть диктаторская, так как перед ней стоит задача не только переродить все человечество в духе своей идеи, но и организовать всю жизнь соответственно этой идее. От-

сюда и новая форма государства: тоталитарного государства. Первичный источник этой новой партии, конечно, не в идее парламентаризма; его вынесла революционная идеология государственного социализма. Марксизм, социалистический якобинизм русский якобинизм — ткачевское движение, большевизм — ткачевское движение, которая теперь модернизировалась в фашизм со всеми его подразделениями, выступающий не только против современной буржуазной демократии, но и против всего трудового народа.

Такова, в общих чертах, историческая роль партии, которая, по моему мнению, отойдет в область истории вместе с теми институтами, с которыми она так тесно и неразрывно связана. Советская система, как форма организации снизу вверх, не имеет никакой нужды в партии, так как она представляет совершенно новый тип демократии, исторически корни которой мы находим в бакунинской секции интернационала. Взгляд на партию с чисто технической точки зрения, по моему мнению, совершенно ошибочен, так как это историческая категория, в которой анархическому миропониманию довольно трудно найти для себя родственные черты.

Я остановился на этой исторической ссылке о партии вовсе не с целью, чтобы полемизировать с умершим платформизмом, а из желания указать на ту тенденцию, которая намечается в анархическом движении — тенденцию объединения.

Для меня упомянутые симпатии к платформизму есть все-таки показатель, к которому нужно отнестись более внимательно, чем только опровержение и исключение платформизма из анархического движения. Эта тенденция становится чувствительной, когда наше движение в силу всех происходящих событий вынуждено выходить на сцену и уже не в качестве вспомогательной силы, а главной и единственной идейной вдохновительницы стихийного процесса. В тот момент, когда масса была оттянута и вовлечена в непосредственную борьбу с капитализмом в институтах современной представительной демократии,

а идея революции отошла в область довольно отдаленную будущего, когда роль анархизма сводилась к скромной роли непримиримой и бескомпромиссной оппозиции, мы могли более или менее не чувствовать помехи в нашей раздробленности и ограничиваться собственной замкнутостью. Со временем условия в этом отношении резко изменились. Социализм как реформистский, так и революционный окончательно уходит со сцены, окончательно оказывается беспомощным и идейно и физически разрешить стоящую перед ним социальную проблему, массы немного отходят от него и, если они не убегают мигнуто, как это было в Германии, прелестями современного фашизма, они сами бросаются в анархизм, сами ищут защиты и помощи в нем. Вот где стоит проблема перед анархизмом, которая заставляет его принимать быстрые и решительные меры или уступать место более решительным группировкам. И нет ничего удивительного, что одна крайность привела к другой, также, на мой взгляд, отрицательный, как и первая, а может быть и более худшей.

Крах социализма отталкивает не только массы, способные только на стихийные действия, но и более передовые элементы, которые шли раньше в рядах политических партий. Переход социалистов в анархические ряды — явление совершенно нормальное и мы его должны предвидеть. В нем нет опасности для анархизма, если он достаточно силен и организован, чтобы сразу же ввести их в готовую работу, но в нем неизбежно будет опасность, если мы будем беспомощны, как были до настоящего времени и в этом будет не их вина, а наша.

Есть одна ширма, за которую прячется анархическая непримиримость и консерватизм: обычно утверждается, что анархизм не претендует на ведущую роль и не берет на себя обязанность переустройства будущего общества; люди, массы, трудящиеся сами должны строить свою жизнь, если они действительно хотят освободиться. Увы, Русская Революция наглядно пока-

зала всю практическую бессодержательность этого очень и очень верного действительно анархического взгляда! Это положение верно и нам анархистам нет необходимости бороться с его. Это, прежде всего, отличает нас от государственного, якобинского социализма, приведшего к современному фашизму. Но в то же время он должен, в современном его истолковании в смысле практического и практического применения. Центр тяжести заключается не в том, что мы идем во главе или совершенно отказываемся от всякой роли. Беря на себя роль авангарда и провозглашая идеал будущего общества, которое может быть достигнуто путем социальной революции, мы неизбежно должны быть руководящей группой, мы неизбежно будем выкидываемы на первый план. И дело, конечно, не в этом. Мне трудно ответить на этот вопрос, который, к стати сказать, был спорным не только в анархических рядах, но и занимал значительное место на протяжении всей истории всего революционного движения. Русская Революция в значительной степени продвинула в практическом смысле обстановку для его решения.

Если две силы, которые выступают в процессе революции: партия или та или иная политическая группировка и масса. Партия (беру это слово условно и для анархического движения) есть авангард революционного движения, который не только ведет борьбу за будущее общество, но и имеет свой взгляд на него; масса действует стихийно, спонтанно, протестом против тех или иных условий. Согласно анархической концепции, если эта масса будет состоять из пролетарских элементов и ей будет принадлежать ведущая роль, то она неизбежно выступит за завоевание своих непосредственных интересов, а это, в свою очередь, приведет ее к формам отношений, в которых государству и власти не будет места.

Не партия, а масса создает Революцию; не партия, а масса создает общество. Вот собственно то, о чем говорит

анархизм, когда он говорит о творчестве масс. Анархическое общество — не искажение лучшего идеала, а неизбежный этап при реализации экономического равенства, к которому приведет вмешательство пролетариата. Русская Революция создала советскую систему, которая с первых же дней подпала под влияние коммунистической партии, имевшей в виду не утверждение действительно этой системы, как формы, в которой действительно должно будет исчезнуть экономическое неравенство и деление общества на классы, а использовать ее в целях укрепления своей партии, как авангарда пролетарских масс и выражительницы диктатуры пролетариата.

Чем сильнее укреплялась власть коммунистической партии, тем меньшую роль играла советская система. Допустим обратное. Допустим, что советская система, как форма организации снизу вверх создавалась бы в полном смысле слова, т. е. все избираемые органы, поднимающиеся вверх действительно были подчинены низовым и низовые элементы бы полностью власти распоряжаться теми, кого они выбирают, то, очевидно, опасность узурпации власти в пользу партии перестала бы существовать. И совершенно безразлично, — будут ли при таком положении вещей в избирательных органах представители той или иной партии, — они все равно будут лишены возможности использовать свое положение в пользу партии до такой степени, чтобы передать власть в руки партии. Нужно еще заметить, что советская система знает не только контроль и отзыв снизу, но и имеет наказ, т. е. избираемому органу дается определенное задание выполнить то-то или то-то.

Это последнее положение советской системы для нас, анархистов, имеет большое значение. Чтобы лишить выборные органы власти, — контроля и права отзыва еще не достаточно. Ведь они избираются для выполнения общественных функций, которые они будут выполнять как властные органы, если их просто только выбирать.

Совершенно иная картина получается,

когда все мероприятия выбираются низовыми органами, а выборные только приводят в исполнение эти мероприятия. В таком случае они уже выступают не в виде властных органов, а технических. Вот в какой новой форме пришла Русская Революция, когда она действовала, как стихийная сила. Не партия, а масса создала этот новый быт; это создала та самая масса, которая, действует в своих личных интересах или интересах классовых, неизбежно должна была выполнить и общечеловеческую миссию, так как иного пути ее освобождения и не могло быть.

В советской системе свобода личности отрывается от священного права собственности, а общество — от понятия государства. Обо всем этом говорил анархизм с первых дней своего существования, как о том новом этапе, к которому приведет восстание пролетариата. Вот почему укрепление власти коммунистической партии идет не в порядке укрепления советов, а утверждения ее над советами. Советы, как институт, исключают понятие власти.

Мы могли бы продолжать нашу аргументацию, перенося свои наблюдения на современную Испанию. Все тот же процесс мы наблюдаем там, где массы призваны к самостоятельности. Испанские товарищи, выдвинутые самой стихией на первый план, не испугались этого положения, но и не сделали так, как сделали коммунисты, т. е. не стремятся подчинять и использовать этот процесс в интересах своей организации, а, наоборот, углубляют его и, в то же время, не остаются доктринерами, а стремятся сами слиться с ними. Слияясь с этим процессом, анархизм тем самым показывает, что он не боится массы, но наоборот, утверждает, что последнее слово будет принадлежать самим массам; в этом процессе строительства будут создаваться новые институты, в которых политическая партия или группировка неизбежно будет играть только вспомогательную роль, и окончательно растворится в них.

Все сказанное мною огибод не явля-

еся каким нибудь теоретическим измышлением, а суть те проблемы, которые встают перед нами каждый день и с каждым днем все настойчивее. События нас толкают вперед и заставляют смотреть шире и глубже, но чем шире и глубже мы начинаем смотреть, тем конкретнее становятся те проблемы, которые мы раньше относили к области теории. Такая постановка вопроса, которую предлагаю я имею, по моему мнению, и другое преимущество. Ставя вопрос в плоскости организационной, он отодвинет и может быть заставит совершенно забыть те недоговоренности и спорные вопросы пробужденцев и делотрудовцев, которые возможно встают и в значительной степени мешают объединению. А

между тем, вопрос объединения стоит, как неотвратимая задача настоящей минуты. Вот почему я думаю, что моя постановка и более практична и конкретна.

Практически я предлагаю бы, чтобы тот комитет или комиссия, которой поручено создать и подготовить следующую конференцию, вошел бы в связь со всеми отдельными товарищами и группами и принял бы их в качестве полноправных членов данной организации и предложить им принять участие в данной конференции путем личной послышки своих делегатов или письменного мнения. Войти в связь можно путем обращения в имеющихся анархических изданиях.

МУРОМЕЦ.

П Р О Т И В Б О Г А

О богах я не могу знать ни что они есть, ни что их нет, ни каковы они видом, ибо есть многое, что мешает их знать—и неясность предмета и жизнь человеческая, которая так коротка.

Протагор.

"Credo quia absurdum" 1).

Если бы бог существовал, его следовало бы уничтожить.

Бакунин.

Предвижу день, когда падут запреты,
И сгинет власть на радость всех людей.
Пусть эта песнь Великого Рассвета
Зовет Зарю вдали грядущих дней.
О дни борьбы, сомненья и тревоги!
О Революции грозный ураган!
Падут цари, властители и боги,
Повергнут в прах дворец, тюрьму и храм.
В тот день Суда кровавые расправы
Мир захлестнут горячею волной.
И хлынет кровь, и люди в битве правой
Пойдут на штурм Святыни Вековой.
Воскреснет Грех и Зло расправит крылья,
Завет Добра забудется толпой;

В свободный мир без власти и насилия
Не вступит бог—властитель неземной.
А Вельзевул—земли судья суровый,
Покинет нас, отправясь на покой
Исчезнет Долг, и в Храме Жизни Новой
Захочет каждый «быть самим собой».
И вспомнят люди слова Протагора 2)
Что «человек есть мера всех вещей».
Пока на нас времен недвижных горы
Не видим мы свет истинных идей.
Ах! Свет идей толпу рабов пугает,
Властители пред Истиной дрожат:
Но кто на мир идти войной дерзает,
Тот прав всегда, тот прав в веках стократ.
Бедь «все течет, ничто не прибывает»,
И тварь, и мир имеют смертный час.
Веземртный бог нас Вечностью пугает,
Безсмертный бог обманывает нас.
Отвергнул бог незримые преграды
Пространств, время... О, всемогущий бог!
Я, как и ты, творец Эгопады
И властелин космических дорог.
Во тьме веков проходят те дороги,
Но свет незримый я в душе храню...
Пусть эта песнь ударит в сердце бога!
Пусть эта песнь рассеет Страх и Тьму!

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

1) Верую потому что нелепо. (Изн. Тертулиана).

2) Древне-греческий философ (софист), живший в V веке.

КУЛЬТУРА И ЛИЧНОСТЬ

В обиходной речи мы очень часто употребляем выражения «культура» и «цивилизация», совершенно не различая значения этих слов. Между тем, в них заключены совершенно разные понятия.

Когда мы хотим себе представить культурного человека, то мы имеем в виду лицо с развитым умом, морально чистое, хотя и ценящее внешние блага, но не ставящее целью своей души их добывание. Это личность, жизненный путь которой освещается высокими целями сверхличного характера и не руководится только инстинктом самосохранения и погоней за внешними удобствами. Эта внутренняя, духовная сторона человеческого существа является характерным признаком человека культурного.

Когда мы представляем человека цивилизованного, то видим лицо, внешне безупречного поведения и вида, но что является его духовным содержанием, мы не знаем.

Если мы обратимся к культуре и цивилизации собирательных единиц — государства, нации, народа, то и тут под культурой данной единицы будет подразумеваться духовное состояние ее, а под цивилизацией — внешняя ее сторона.

Культура всегда высоко индивидуального происхождения. Если мы хотим себе представить культуру до-вильгельмовской Германии, то мы ясно представляем, что ее вехи, обозначающие культурный путь германского народа, это Кант, Гегель, Шопенгауэр, Штaller, Гете, Гаушман, Зудерман, Вагнер и иные искатели правды и красоты.

Если мы попытаемся создать отвлеченное представление о культуре русского народа, наши представления расплывутся, но достаточно вспомнить имена Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чайковского, Римского - Корсакова, Васнецова, деятелей Московского Художественного Театра, Илью Репина, — как представление о русской культуре приобре-

тает совершенно ясное содержание и очертание.

Если мы желаем представить христианскую культуру, то прежде всего, перед нами предстанет чистый облик Христа.

Все это указывает, что двигателем культуры и ее, так сказать, эталонами всегда является не какой-то собирательно-отвлеченный «дух народа», а живые личности, определяющие своим духовным обликом и своим творчеством путь следующего за ними народа и придающие результатам своей деятельности определенную и специальную окраску культуре данной эпохи и страны. А этот дух собирательного целого будь то дух государства, нации или народа, — это только сырой материал, впитываемый личностью и перерабатываемый ею для того, чтобы своим личным творчеством поставить новую веху в дальнейшем движении культуры. Если бы не было этих личных вех, то не было бы никакого движения вперед в области культуры. Собирательная единица — народ, государство, нация не творит культуры, а только хранительница тех культурных ценностей, которые исходят от личности. Поэтому культуру нельзя творить искусственно и по заранее обдуманному плану, так как она тесно связана с способностями личности и является их результатом.

Менее всего возможно создать культуру мерами государственного принуждения. Культура только тогда способна облагородить человека, когда она, исходя от личности, сильной своим духовным авторитетом, впитывается непроизвольно и становится органической, а не случайной принадлежностью человеческой натуры. Культура, проводимая при помощи государственного принуждения, никогда не может быть тесно спаяна с человеческим существом. Связь ее с ним всегда будет искусственной и непрочной, ведущей человечество кривыми дорогами к концу, ничего общего не имеющему с культурой.

Ярким примером искусственной при-

вивки культуры в населении служит принудительное введение христианства в Европе, не исключая и России. Христианство, введенное таким путем, не сделалось органически усвоенной частью духовной природы человека, не облагородило человечества, как должно было сделать, а стало внешней силой, обрядовым, не проникающим всей души человека. Это мы видим из того, что каждый, называющий себя христианином, способен на все преступления, начиная от мелкого мошенничества и кончая убийством. Также мы видим в поступках целых христианских государств, которые на каждом шагу нарушают все заповеди Христа.

Элементами культуры является религия, нравственность, право, техника, хозяйство, искусство, наука. Эти же элементы являются и составной частью цивилизации, но только их внешней, казовой стороной.

Нормальным соотношением между культурой и цивилизацией было бы такое, когда культура являлась бы духовной основой цивилизации, т. е. когда вся внешняя жизнь была бы совершенно согласованной с требованиями культуры. Ненормальным соотношением будет такое, когда цивилизация идет вперед более быстрыми шагами, чем культурный уровень населения.

Наша современная цивилизация характерна полным несоответствием с культурным состоянием народа, далеко опережая его. Такого рода «ножницы» составляют болезнь нашего времени. Мы спешим жить, но к сожалению, эта поспешность несколько не захватывает глубины нашего существа, относящейся к области культуры, а всецело находится в сфере внешней цивилизации. Наше культурное состояние издавна от тотемического. Мы также очень часто утверждаем, в особенности в международном обороте, что хорошо, когда мы забираем что либо у другого и не хорошо, когда забирают тоже самое у нас. В отношении же цивилизации мы превратились в полубогов: завоевали мир, невидимый простым глазом, воздух, небо. Сочетание

же тотемического духа с полубожеским внешним могуществом—самая опасная вещь. Недавнее проявление в мировом масштабе этих двух начал — война 1914—1918 гг. кровавым следом показала нам до чего доводит подобное сочетание. А этот опыт только приблизительно, в смягченных красках, показал до чего может довести это сочетание в будущем.

От 1914 года до настоящего времени государство сделало очень много, чтобы раздвинуть эти «ножницы» еще дальше в обоих направлениях: с одной стороны, оно препятствует органическому усвоению человеческого начал культуры, а с другой усиленно покровительствует всякому внешнему приобретению.

Такое соотношение культуры и цивилизации создает наблюдаемую нами безнадёжную картину мировой непрестанной войны, правда, пока без пролития крови, но тяжелой по своему нравственному гнету.

Только «расколлективизирование» целой человеческой личности, т. е. освобождение ее от мелочного контроля и властного руководства со стороны государства и созданных им всевозможных принудительных организаций, даст ей возможность развернуть ее духовные способности и таким образом хоть сколько нибудь догнать внутреннюю культурой далеко ушедшую вперед внешнюю цивилизацию.

А. Ф. Смыкалов.

ПОГИБШИМ ЗА СВОБОДУ

Вы промелькнули пред страной,
Как проблеск утренней зари,
Как вихрь могучий пред грозой,
Родные нам богатыри!
Вы шли под громом бури страшной,
Но громче голос ваш звучал,
И властно ваш пример отважный
Других за вами увлекал.
Пройдут года. Взойдут живые
Борьбы великой семени,
Лесов вершины вековые
И переливы волн глухие
Повторят ваши имена!

Сергей Иванов.

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ

:~:

В последнем номере «Литературного Ленинграда» С. Гессен печатает отрывок из неопубликованных мемуаров декабриста Д. Н. Завалишина.

Отрывок этот ценен тем, что бросает свет на отношения между Пушкиным и членами тайного общества. Как известно, вопрос о том, почему Пушкин не был в члены общества принят, не вполне еще раз решен.

По этому поводу Д. Н. Завалишин пишет:

«Что касается до послания Пушкина к декабристам, произведшего сильное возбуждение революционного чувства и породившего у некоторых легковверных после такого опыта, какой мы имели, несбыточные надежды, что в самом деле «братья меч им отдадут», и что следовательно в России есть продолжатели их дела, то им скоро пришлось разочароваться, когда увидели, что не только братья не отдали им меча, но что и сам автор вступил на тот путь, за который осуждал Жуковского, и в то же время, как писал к ним послания, писал стансы («В надежде славы и добра»), в которых клеймил именем «буйных стрельцов» тех самых людей, которых прежде возбуждал к крайним революционным мерам («Кинжал») своими стихотворениями, возбуждавшими ненависть к правительству.

Здесь будет, поэтому, очень кстати сказать несколько правдивых слов о действительных отношениях Пушкина к декабристам, о чем не мало было говорено в последнее время и высказаны были не совсем правильные суждения. Известно, что одни полагали, что Пушкина потому не хотели принимать в тайное общество, что желали сохранить его талант. Но для современников Пушкина он был вовсе не тот, что для последующих поколений.

Для современников его, даже для тех, которые лично и близко знали его, он был популярен своими революционными и кощунственными стихотворениями, большой

свет знал его по некоторым его романсам, и то благодаря таланту певцов и певиц, распевавших «Черную шаль» и «Песнь цыганки». И я очень хорошо помню, как даже в 1825 уже году графиня Ольга Сен-При, воспитывавшаяся у графини Остерман, просила меня достать романс какого-то Пушкина «Черную шаль», который так хорошо поет, говорят, Булахов, и пригласить его, с дозволения графини Остерман, пропеть этот романс у них. При этом надо заметить, что те произведения Пушкина, которые впоследствии более всего составили ему славу, тогда еще не существовали.

Не более справедливо мнение и тех, которые думают, что Пушкин, хоть и либеральничал, но никогда не хотел сам вступать в тайное общество. Не говоря уже о том, что Пушкин сам опроверг это, заявив, что если бы находился 14 декабря в Петербурге, то был бы на Исаакиевской площади вместе с прочими декабристами, — Пушкин не мог не сознавать, что было бы с его стороны вполне безнечным уклоняться от действий, которые сам же всячески возбуждал, и от ответственности за них.

Можно наберное сказать, что по крайней мере девять десятых, если не девяносто девять сотых тогдашней молодежи первые понятия о безверии, кощунстве и крайнем приложении принципа, что «цель оправдывает средства», т. е. крайних революционных мер, получили из его стихов. Самое достоинство стиха, легко удерживаемого в памяти, содействовало распространению кощунственных и революционных идей; и если не все прилагали их к делу, то все-таки знакомы были с ними по Пушкину. Мы знали впоследствии некоторых весьма пожилых людей и в высоком уже звании, которые по доброй ли воле или по случайным обстоятельствам, не были причастны ни к кощунству, ни революционным мерам, а между тем твердо по-

КАК УМИРАЛ ВИКТОР ГЮГО

22-го мая исполнилось 50 лет со дня кончины Гюго. Что писали о болезни и смерти величайшего французского поэта парижские газеты полвека тому назад?

Болезнь.

Узнали парижане о болезни из коротенькой заметки, напечатанной газетой «Рапсель» в номере от 18 мая:

«В четверг Виктор Гюго почувствовал себя плохо. Вначале состояние его не внушало опасений, но затем оно быстро ухудшилось».

19-го мая в «Рапсель» можно было прочесть:

«Вчерашний день не принес сколько-нибудь значительных перемен в состоянии здоровья Виктора Гюго».

Волнение в Париже.

«Никогда болезнь главы государства не вызвала такого волнения, такого беспокойства, как известие о болезни Виктора Гюго. Свыше 500 человек день и ночь дежурят у его дома. Всех, кто выходит из дома Гюго, останавливают, спрашивают о состоянии больного. Судя по лицам посетителей, толпа то теряет, то снова обретает надежду».

(«Л-Эвенман», 20 мая).

мнили наизусть все стихотворения Пушкина, запечатленные этим направлением. А в наше время едва ли был какой-нибудь воспитанник, который не списывал и не выучивал наизусть этих стихотворений.

Пушкин знал очень хорошо, к чему он возбуждал, и знал, что возбуждаемые им стремятся от слов перейти к действию. Как же мог он отрекаться от него? Напротив, он всеми силами добивался быть принятым в тайное общество, но его заповедано было не принимать, зная крайнюю его изменчивость, и чем ближе кто его знал, тем более был уверен в этом крайнем его недостатке, имея множество фактов быстрых его переходов от одной крайности к другой и законное основание не доверять ему уже из одного его тщеслав-

Предложение архиепископа

21-го мая началась агония. Парижский архиепископ кардинал Гибер обратился к г-же Локруа, сестре Гюго, с письмом следующего содержания:

«Сударыня, я близко принимаю к сердцу страдания Виктора Гюго и опасения членов его семьи. Сегодня во время богослужения я молился за великого больного. Если бы он выразил желание принять священника, я был бы счастлив лично принести ему утешение, которое так необходимо в критические минуты жизни. Примете и пр. Кардинал Гибер, парижский архиепископ».

Отказ атеиста.

В тот же день архиепископ получил ответ, подписанный другом умиравшего, депутатом Локруа. Благодаря архиепископу за выраженные им чувства, Локруа сообщал, что «еще несколько дней назад Гюго категорически заявил, что не хочет видеть священников, к какой бы религии они ни принадлежали. Мы нарушили бы свой долг, если бы не уважили его волю».

Заметка газ. «Ла Круа».

На следующий день поэт умер. Газеты вышли в траурных рамках, посвятив

ного стремления проникнуть в великосветский и придворный круг, чтобы сделаться там «своим» человеком, что в нем всегда подмечали.

Вот почему из наших товарищей далеко не все увлекались его посланием к нам, и люди более принципиальные и знавшие Пушкина ближе даже приняли послание с недоверием, которое и не замедлило оправдаться.

С. Гессен не без основания полагает, что «полемический зазор иной раз заставляет автора изменять исторической правде». Однако, в главных чертах суждения Завалишина совпадают со свидетельствами таких декабристов, как М. Бестужев или Горбачевский.

А.

ПУШКИН В 1834 ГОДУ

Пушкин записал в свой дневник 1-го января 1834 года: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове... Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством? Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным, — а по мне хоть в камер — паж, только бы не составлял меня учиться французским вокабулам и арифметике». Хотя Николай I, конечно, не хотел сделать поэта смешным, но объективно «неприлично» первого придворного чина — летам поэта, — Пушкину было только 35 лет, — он чувствовал очень болезненно, да и камер-юнкерские обязанности были ему не легче, чем вокабулы или арифметика. Камер-юнкерами назначали обычно молодых людей с придворными связями, и Пушкин старался, насколько возможно, избегать участия в церемониях и парадах рядом с «молокососами» восемнадцатилетними. «Говорят, — писал он жене, — что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом, — ни за какие благополучия».

Реймарс (Ремер), о котором упоминает здесь Пушкин, его сослуживец по министерству иностранных дел, был произведен в камер-юнкеры в один день с поэтом. Министерство, переселяя при особом «отношении» в придворную контору копии формулярных списков коллежского асессора Ремера и титулярного советника Пушкина, по случаю пожалования их в звание

камер-юнкеров, помещает Ремера, как имеющего высший чин, впереди Пушкина I).

17 января Наталья Николаевна была представлена ко двору, и в эту зиму, «ужасно изобильную балами», как писал Пушкин Нащокину, могла уже танцевать и в Аничковом дворце. Она так же блистала здесь, как и в аристократических петербургских салонах. «На маслянице, — сообщает Пушкин в том же письме, — танцевали уже два раза в день. Наконец, настало последнее воскресенье пред Великим постом. Думаю: слава Богу, балы с плеч долой! Жена во дворце. Вдруг, смотрю с ней делается дурно. Я увожу ее, и она, приехав домой, выкидывает. Теперь она (чтобы не слезить), слава Богу, здорова и едет на днях в калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи». Выкидыши Наталии Николаевны светские сплетни объяснили тем, что, будто бы, Пушкин бил свою жену.

8 апреля поэт записывает в дневник, что представлялся государыне Александре Федоровне и благодарил за пожалование. «Ждали царицу часа три. Нас было человек двадцать. Я по списку был последним. Царица подошла ко мне, смеясь. «Нет, это курьезно. Я ломала себе голову, что это за Пушкин будет мне представляться. Оказывается, это вы. Как поживает ваша жена?..»

15 апреля Наталья Николаевна уехала в Москву, и Пушкин остался в Петербурге на холостом положении. Письма к жене представляют настоящий дневник его жизни за весну и лето, до августа, когда он сам, наконец, мог уехать из столицы. Письма полны наставлений жене, то трогательных, то довольно решительных, вызванных боязнью, что жена может, если не изменить ему, то быть слишком легкомысленной. «Не таскайся по гуляньям с утра до ночи, не пляши на бале до заутрени,

ему целые страницы. Только в католической «La Croix» была напечатана следующая краткая заметка:

«Виктор Гюго умер в 1 час 35 мин. дня. Он был самым большим поэтом нашего века. Лет 30 тому назад он сошел с ума. Да послужит ему сумасшествие извещением перед Господом Богом».

1) Пушкин. 1834. Изд. «Пушкинского общества». Ленинград. 1934. Стр. 173.

гуляй умеренно, ложись рано». «Возвращаюсь домой рано, — пишет он в другой раз, — надеясь найти от тебя письма, и всякий раз обманываюсь. Тоска, тоска!» «Побереги же и ты меня. К хлопотам, неразлучным с жизнью мужчины, не прибавляй беспокойств семейственных». В письмах к жене Пушкин постоянно сообщает, как старается избегать явки на придворные балы и приемы. Это бывало нелегко, так как государь «мылил голову» отсутствовавшим у обедни или на балу. На Пасху Пушкин сренпоторвался больным и боялся царя «встретить». «Все эти праздники просижу дома, — писал он жене 20 апреля. — К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен, царствие его впереди, и мне, вероятно, его не видеть. Видел я грех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий, хотя и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотря, как-то наш Сашка будет ладить с порфироносным своим тезкой, с моим тезкой я не ладил. Не дай ему Бог идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями».

Письмо это перелюстрировал московский почтдиректор и представил Бенкендорфу, а шеф жандармов, в свою очередь, передал письмо царю, который — записывает Пушкин в дневник, — «сторяча его не понял. К счастью, письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Все успокоилось. Государю не угодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умнением и благодарностью. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в

привычках нашего правительства. Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в этом признаться, — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина».

25 июня Пушкин, не предупредив никого из друзей, даже Жуковского, отправил Бенкендорфу короткое письмо с просьбой об отставке. «В виду того, что семейные обстоятельства требуют моего присутствия, то в Москве, то в провинции, я вынужден выйти в отставку и умоляю ваше превосходительство получить для меня разрешение на это. Как последней милости, и просил бы, чтобы я не был лишен всемилоостивейше данного мне права посещать архивы». Через пять дней пришел сухой ответ: «Государь», не желая никого удерживать против воли, соглашается удовлетворить просьбу об отставке, но на посещение архивов «не извясляет своего согласия, так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенным доверием начальства». Жуковский, узнав от царя о просьбе Пушкина, страшно взволновался и настоял, чтобы Пушкин отказался от этой «досадной, эгонистической, неизгладимой глупости». Пушкин, хотя «в глубине души и чувствовал себя правым», написал два письма Бенкендорфу, где называет свой поступок «необдуманным» и выражает сожаление, что его шаг мог показаться «безумной неблагодарностью и супротивлением воле того, кто доныне был более моим благодетелем, чем государем». Дело уладилось. «Прошедший месяц, — записывает Пушкин в дневник 22 июля, — был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но все перемололось. Однако, это мне не пройдет».

ПРОЦЕСС 16-ти

Телеграфное сообщение из Москвы от 13-го августа 1936 года говорило о том, что «в настоящее время по СССР идет чистка, какой не было даже после убийства Кирова». Официально объявлялось о «разгроме троцкистов в Саратове» и аресте директора марксистского института — Ленешева, обвиняемого в устройстве тайных собраний троцкистов, усиливших свою пропаганду среди рабочих. Ленешев, совершавший из Саратова частые поездки в Москву для связи с тамашними троцкистами, оказался близок «гапневскому молодому человеку», недавно обездвиженному всю «немецкую республику» Поволья и, как выяснилось, оказавшийся «агентом одной иностранной державы». «Известия», снова обрушившись на троцкистов, обвиняют их в связях с фашистами и в попытке подорвать производство в Донбассе и других районах, выступили с требованием беспощадной расправы с «заклятыми врагами советской власти».

14 августа телеграммы из Москвы сообщали, что массовые аресты, произведенные по всей стране, вовлекли в дело Г. Зиновьева и Л. Каменева, некогда всемогущих членов триумвирата Троцкого. Правительство Сталина официально сообщило, что им раскрыт заговор, непосредственно связывающий Троцкого, живущего в Норвегии и пославшего в СССР 5 своих агентов — террористов, с троцкистами, находящимися в СССР и готовившими свержение Сталина путем саботажа.

По делу о заговоре привлечены к ответственности 16 человек, суд над которыми назначен на 19 августа. В числе обвиняемых — Зиновьев и Каменев, находившиеся в последнее время в ссылке. После убийства Кирова, генерал — губернатора Петроградской области, называемой ныне Ленинградской, их открыто обвинили в этом убийстве, за которое им грозила смертная казнь. Однако Сталин ограничился лишь тем, что особая коллегия верховного

суда приговорила Зиновьева и Каменева к 10-летнему тюремному заключению и ссылке, где они жили на свободе, находясь в Верхне — Уральске, согласно данным правительств.

15 августа сообщалось, что «под непосредственным руководством Троцкого и т. н. «объединенных центров» группа Зиновьева и Каменева готовили ряд террористических актов против коммунистических вождей». Военный суд, назначенный на 19 августа над этой группой включает следующих лиц:

Г. Зиновьев, Л. Каменев, Г. Евдокимов, И. Смирнов, И. Бакеев, С. Миравоский, В. Ольберг, К. Берман-Юрин, Ф. Давид, Натан и Моисей Лурье и 5 террористов, присланных Троцким: Т. Рейнгольд, П. Пинель, В. Тервагиньян, Е. Дрейцлер и Е. Голцман.

«Правда» утверждает, что Троцкий находится в связи с фашистами и германскими национал — социалистами, снабжая агентов Троцкого фальшивыми паспортами, и, предсказывая большие сенсации, которые откроются на процессе, говорит, что за связи с «белогвардейцами и немецкими фашистскими шпионами» обвиняемым грозит «высшая мера наказания» — расстрел.

16-го августа сообщалось, что суд над Зиновьевым и Каменевым состоится в Доме Союза в Москве — дом бывшего «благородного собрания», — в котором устанавливаются микрофоны для радиопередачи деталей процесса по всей стране. Указывалось, что по сигналу из Кремля на многочисленных заводах и фабриках в разных городах СССР начали выносить резолюции с требованием расстрела всех заговорщиков, готовивших убийства «вождей».

Сообщалось, что целью процесса является «лишение Троцкого какого-либо влияния за границей и этим затруднить его переезды и выступления против политики Сталина», который на этот раз не остано-

вился перед расстрелом своих конкурентов, разосланных по ссылкам, откуда перевезли в Москву Зиновьева и Каменева. Во время первого процесса в декабре 1934 г. после убийства в Смольном председателя Ленинградской компартии — С. Кирова — Зиновьев и Каменев покаались и признали, что их пропаганда могла толкнуть убийцу — Николаева на этот акт, но виновными в подстрекательстве к убийству себя не признали. Теперь же они сознались, что они, Зиновьев, Каменев и Троцкий, никак не могли забыть прежнего своего величия и славы, когда они составляли все-мощную тройку диктатуры, и что они стремились прежде всего к захвату власти посредством саботажа.

«Программы у нас не было, но она пришла бы сама после захвата власти», будто бы признался Зиновьев, последователи которого вместе с троцкистами согласились даже принять помощь фашистов и белогвардейцев из-за границы и прибегали к саботажу, желая вызвать войну, лишь бы вернуть себе власть».

Согласно «добровольному сознанию» Ольберга, Бермана — Юрина, Ф. Давида, М. и Н. Лурье, посланных в СССР лично Троцким, по инструкциям которого они должны были убить Сталина, Ворошилова, Молотова, Кагановича и других «вождей», убийства должны были совершиться в Большом театре на юбилейном торжестве 6 ноября 1936 года. Они признались, что получили от германской тайной полиции — гестано — фальшивые паспорта, чтобы таким образом проникнуть на территорию СССР.

«Правда» утверждает, что «между шайкой Троцкого — Зиновьева и шпионами фашистской полиции был тесный контакт», что «в программу их входит индивидуальный террор» и что «целью их был также саботаж социалистического строительства».

Берлинские газеты объяснили, что «предъявлением Троцкому обвинений в подпольной работе Сталин хочет показать Европе, что Москва непричастна к событиям в Испании и Франции», что никакой связи с троцкистами «ни один порядочный на-

ци иметь никогда не будет» и что «новый кризис в компартии привел к созданию «заговора» и потемнению умов чекистов».

Троцкий в свою очередь заявил, что обвинения против него являются «величайшей ложью», что он — «против индивидуального террора», что «обвинения Кремля — обычная фальсификация» и что «сталинцы называют простую критику — заговором». Поэтому он требует международного расследования этого дела.

17-го августа были сообщены дополнительные сведения о заговоре троцкистов — зиновьевцев, готовивших убийство Сталина и других вождей компартии, что Троцкий, Зиновьев и Каменев в 1934 году готовили совместно с польскими и германскими фашистами отделение Украинны от СССР и присоединение ее к Германии. За соучастие этому движению были смещены и вычищены тогда виднейшие «вожди» из украинской компартии. Многие из них были сосланы, а нарком Скрыпник покончил самоубийством.

По утверждению «Правды», сторонники Троцкого в Германии и Польше оказались агентами тайной полиции. Из крупных городов, как Петроград, Киев, Харьков, Одесса, Ростов, Тифлис и многие другие поступили многочисленные протесты против заговора Троцкого — Зиновьева — Каменева. Множество резолюций выражают свое возмущение и требуют безжалостной расправы с заговорщиками. По словам этих резолюций, «рабочие будут защищать своей грудью любимых лидеров» и «не может быть пощады тем, кои в бандитском подполье готовили покушение на жизнь любимых вождей пролетариата».

«Правда», сообщая о том, что «расследование раскрыло страшный заговор на жизнь вождей компартии СССР», говорит, что «в открытом суде эти уголовные преступники дадут ответ за свою страшную работу и получат заслуженное наказание».

Весь советский союз, весь международный пролетариат узнают с горьким разочарованием и негодованием о новых преступлениях, совершенных дегенератами и негодьями, имена которых давно уже вызы-

бали отвращение среди всех честных рабочих. Эта преступная шайка банкротов, представляющих только себя, является презренными тварями, хоряками. Эти опасные змеи применяют самые низкие приемы подполья — двурушничества и подлого обмана. Эти политические ничтожества, вооружив террористов, убили Кирова. Зиновьев, Каменев, Бакаев и другие причастны к этому убийству нитями презренного заговора».

Высмеивая двухкратные показания Зиновьева и Каменева в 1932-1934 годах, газета говорит, что «миллионы, услышавшие о заговоре на жизнь Сталина и его товарищей, восстанут, как один, и окружают своих вождей сталиной стеной».

18-го августа стало известно, что Зиновьева, Каменева и остальных конкурентов Сталина будут судить, как бандитов, как «подонков уголовного подполья», а не претендентов на трон товарища Сталина, согласно выработанным планам наркомюстиции Н. Крыленко и главным прокурором Ульрихом. Решено не делать никаких радиопередач и запретить фотографирование в суде.

М. Калинин, председатель всесоюзного ЦИКа выступил с резкими осуждениями своих бывших друзей, Зиновьева и Каменева, и назвал их «непримиримыми врагами советского союза», потерявшими всякий человеческий облик. «Для осуществления плана возвращения к власти они не остановились даже перед предательством родины и прикрылись в гнусном замысле шайкой уголовных преступников».

СУД НАД ЗИНОВЬЕВЫМ И КАМЕНЕВЫМ

19-го августа 1936 года в Москве началось слушание дело Зиновьева, Каменева и других 14 ярых большевиков по обвинению в заговоре на жизнь Сталина.

По сообщению корреспондентов, заседание военной коллегии верховного суда открылось в малом Георгиевском зале Дома Советов при торжественной обстановке. Но сигналу судебного пристава все, наполнившие зал суда — видные компартийцы, советские судьи, чекисты и советские и

иностраные журналисты и корреспонденты — встали и в зал, охраняемый усиленными рядами солдат ЧОНа, входят четверо судей во главе с В. В. Ульрихом, получившем повышение после осуждения английских пилотов компании Метро-Виккерс и стоящим ныне во главе военной коллегии верховного суда. Он — необычайно угрюмый. Его вид явно терроризирует подсудимых, размещенных в особой деревянной ложе, в первом ряду которой сидит косматый Зиновьев, а в третьем — Каменев с поседевшей бородкой.

Зал освещается электрическими лампочками в огромных канделябрах дворянского времени. Общая картина суда — весьма жуткая. Обвинение поддерживает помощник главного прокурора — Андрей Вышинский. Короткий опрос имен подсудимых прошел очень быстро. Затем секретарь суда огласил пространный обвинительный акт.

Основу обвинения составляет сознание подсудимого Фрица Давида, являющегося, по его словам, гражданином Германии. Через своего агента Франца Битца гестапо снабдило его фальшивым паспортом. Он прибыл в Москву в июле месяце на съезд Коминтерна в качестве делегата от компартии Гондураса. На этом съезде коминтерна он должен был убить Сталина, но он не мог осуществлять плана убийства, т. к. ему отвели место в рядах далеко от Сталина. Были намечены к убийству: Ворошилов, Орджоникидзе, Каганович и Постышев, секретарь ЦК украинской компартии.

Заговорщики разрабатывали детали убийства в квартирах Зиновьева и Каменева в 1933 и 1934 годах. По словам обвинительного акта, Фриц Давид однажды сказал Зиновьеву: «Страшно быть в сговоре с фашистами», на что Зиновьев ответил: — «Не беспокойтесь! Вы ведь историк и знаете, что Лассаль пользовался Бисмарком, когда ему это было необходимо!».

Обвинительный акт заканчивался предположением всем 16 подсудимым 3 обвинений: 1. Образование центра для захвата

власти путем террора; никакой программы у обвиняемых не было, так как они думали разработать ее после захвата власти; для достижения своей цели они вошли в соглашения с германскими и польскими фашистами, а последние добивались отторжения Украины для Германии. 2. Убийство Кирова, и 3. Подготовка террористических актов для убийства Сталина, а Зиновьев только улыбался, но в последовавших объяснениях голос его дрожал. На вопрос В. Ульриха: «Обвиняемый Зиновьев, признаете ли вы себя виновным?» Зиновьев ответил:

— Да, виновен!

Признание Каменева было более решительно. Протирая свое пенсне, он сказал:

— Признаю полностью все!

При допросе прокурором обвиняемые часто есорились и оговаривали друг друга.

— Обвиняемый Зиновьев, признаете ли вы себя виновным в том, что вы организовали террор? — спрашивает прокурор Вышинский.

— Да! — отвечает Зиновьев.

Вы организовали убийство Кирова? — продолжает свой допрос Вышинский.

— Да! — отвечает Зиновьев.

— Вы организовали покушение на Сталина?

— Да! Я виновен по всем пунктам обвинения!

Это самоосуждение Зиновьева к верной смерти вызвало у иностранных корреспондентов всеобщее удивление.

Затем бывший председатель Петроградского совета — Г. Е. Евдокимов рассказал, что на тайном собрании в квартире Зиновьева заговорщики наперебой добивались чести убить Сталина. Зиновьев говорил, что эта честь принадлежит его группе, а не агентам Троцкого. Он одержал тогда победу. Но убийство Сталина не удалось, потому что, по словам Евдокимова, Зиновьев был страшно халатен, неосторожен и нерешителен. На Сталина готовилось два покушения: одно во время убийства Кирова в Смольном 1 декабря

1934 года и второе в поле 1936 года на 7 конгрессе Коминтерна.

Обвиняемый С. В. Мираховский признался, что Троцкий прислал ему лично терез сына инструкции о терроре. Троцкий добивался мятежа в красной армии и говорил, что убийство Сталина на 7 съезде коминтерна вызовет желательные международные осложнения.

Обвиняемый В. П. Ольберг заявил, что подложным паспортом его снабдил Гестапо, тайная фашистская полиция Германии, и что на расходы он получил от сына Троцкого чек на 12.000 крон.

Обвиняемый Т. Рейнголд, элгантно одетый, заявил, что в заговоре на жизнь И. В. Сталина участвовали также и Рыков, Томский, Бухарин и Сокольников.

Проф. Т. Н. Смирнов и Е. С. Гольцман, признавая себя виновными, заявили:

— Мы признаем политическую и моральную ответственность, но не участвовали в заговоре об убийстве.

Смирнов отрицал также участие Троцкого в заговоре и попутно назвал Зиновьева лгуном. Прокурор А. Вышинский обратил на это внимание и спросил Смирнова:

— Почему вы называете Зиновьева лгуном?

— Он всегда был лгуном! — ответил Смирнов.

Телеграммы из Москвы от 20 августа сообщили дополнительные сведения о процессе 16-ти. Служащий госбанка Рейнголд оговорил на суде не только Рыкова, Бухарина, Томского и Соколькова, но и Радека; план об убийстве Сталина им был сообщен еще в 1932 году и они его одобрили. По его заявлению намечены были к убийству — Сталин, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Постышев Коссов и Жданов.

Сообщалось об аресте племянника Сталина — Джугашвили и 200 виднейших грузинских коммунистов, обвиняемых в подготовке отторжения советской Грузии от СССР и свержения режима Сталина, о грандиозных облавах по всему СССР. Были смещены виднейшие комиссары гос-

банка, подвергнутого генеральной чистке, и арестованы: Гертик, Гринберг, Кареев, Кузмичев, Материн, Радин, Сарапова, Файвилович, Эстерман — служащие госбанка и командир красной армии — Шмидт.

Второй день процесса 16-ти

По сообщению американских корреспондентов «Дело 16-ти» в первый день суда далеко преобладало «сознаниями» процесс профессоров и английских инженеров.

Наибольшую сенсацию вызвал Зиновьев, допросу которого было посвящено несколько часов. Выглядел Зиновьев растерпанным. Небритый, с развязавшимся галстуком, некогда всесильный диктатор коминтерна говорил сегодня тихо и боязливо. — «Я пошел полным ходом от оппозиции к контр - революции, терроризму и фашизму», — сказал он: — «Наш переворот мог, несомненно, привести к фашистскому строю».

Далее, под допросом прокурора Вышинского, Зиновьев подробно рассказал, как он, притворяясь «покаянием», все время оставался в оппозиции и лгал, ибо надо было лгать ради работы в подполье и для восстановления утраченной им власти.

— Да, я лгал, — сказал Зиновьев, — я возмущен тем, что Иван Никитич Смирнов называет меня лгуном. Я решил сказать теперь всю правду. Я не имею никаких иллюзий о той судьбе, которая меня ждет за мои тяжкие преступления, но все же теперь я готов раскрыть все.

Зиновьев далее заявил, что роль Троцкого в заговоре была важнее, чем его роль, но он, Зиновьев, более виноват, так как проделал всю активную работу.

На вопрос прокурора Вышинского: был ли Зиновьев кровавым мстителем в отношении Сталина, лишившего его власти? Зиновьев ответил:

— «Невероятно кровавым!».

— Я пал до небывалых пределов. И в своем падении я дошел до того, что, когда по нашему наущению Николаев убил 1 декабря 1934 года Кирова, я поместил в «Известиях» статью с выражением сожаления.

Тоже хотел сделать и Каменев.

— «Я не имел намерения писать такую статью» — тут же перебил его Каменев. Зиновьев, стоя посреди зала, отступил от микрофона и громким голосом закончил:

— Я признаю теперь, что я был главный виновник убийства Кирова вместе с Каменевым и Евдокимовым!

Каменев преуменьшает...

Обвиняемый Л. Каменев, стараясь преуменьшить свою роль в заговоре, признался, что заговорщики считали свою программу более правильной, чем программу Сталина, но отрицал, что они стремились свергнуть социализм, как об этом заявил Зиновьев, хотя и были непримиримыми противниками правительства Сталина.

Каменев рассказал, что в 1932 году Троцкий и он надеялись, что аграрные и промышленные реформы Сталина приведут его к падению. Но когда они окончились триумфом Сталина, Троцкий пришел в ярость и стал писать, что единственное, что осталось им делать для возвращения к власти, — это «устранить Сталина навсегда». — Нам предстояло либо канитализировать, либо прибегнуть к террору, — сказал Каменев: — И мы выбрали второй путь.

Далее Каменев признал, что заговорщикам нужна была помощь из-за границы, но он старался показать, что он не дошел до такого морального падения, как представил это Зиновьев.

Как и служащий госбанка Рейнголд, Каменев заявил, что о заговоре знали — Рыков, Бухарин, Томский и Сокольников. Сам Каменев не причастен к заговору на жизнь Сталина. В конце показания Каменев чуть не лишился сознания.

Оговоры Рейнголда.

Самым «откровенным» из обвиняемых оказался Рейнголд, который рассказал о всех превратностях заговора. По его заявлению, Ворошилов должен был убить на маневрах или во время совещания в его кабинете командир Дмитрий Шмидт, который был сейчас же арестован, а Ста-

лина — секретарь Зиновьева — А. Богдан в день убийства Кирова. Но чтобы не убивать Сталина, Богдан предпочел покончить самоубийством. Здесь Рейнголд, обращаясь к Каменеву, крикнул:

— «Вы убили его!»

Каменев всколыхнул и решительно отверг это обвинение.

Далее Рейнголд рассказывал о том, что Троцкий намечал дезорганизацию красной армии, войну и хаос, которые дали бы заговорщикам возможность опять захватить власть в свои руки в компартии и коминтерне.

На совещании заговорщиков был назначен главой ЧЕКА или ГПУ — И. П. Бакаев, который должен был перестрелять после убийства Сталина и других «вождей» всех фактических убийц и лиц, знавших о заговоре, чтобы таким образом Зиновьев, Каменев и другие заговорщики остались бы навсегда неуязвимыми.

Рейнголд перечислил всех участников заговора «московской группы» и назвал имена видных служащих госбанка, которые также были немедленно арестованы. Затем он сообщил, что благодаря вмешательству бывшего комиссара Киевской конторы госбанка — Г. Пятаков, госбанк выдал из своих сумм 30,000 золотых рублей на финансирование заговора.

Показания Натана и Моисея Лурье.

В течение дня давали показания д-р Натан Лурье, его родственник Моисей Лурье и П. В. Пикель, уличавшие друг друга в заговоре и занимавшиеся мелкими доносами. Только на следующий день процесса 16-ти д-р Натан Лазаревич Лурье рассказывал о своем контакте с агентом Гестапо — Францом Ваймом, прибывшим в Москву еще в 1932 году и предлагавшим ему, Лурье, и другим заговорщикам прибегнуть к террору. Действовал агент Гестапо по поручению его руководителя — Гимmlера.

Лурье подробно рассказал о разных планах убийства Ворошилова. Эту часть заговора являлся выполнять бывший командир красноармейского полка, обвиняемый С. Мираховский. К назначенным жертвам

Лурье сам добавил Кагановича и Орджоникидзе.

Сначала его тяготила связь с германскими сыщиками и национал-социалистами, но когда он пришел к заключению, что и террор сам по себе — гадость, то решил, что эта связь со шпионами и фашистами его не позорит больше.

Его родственник — Моисей Лурье предложил ему убить во время майского парада близкого друга Сталина — А. Жданова, заместившего Кирова на посту секретаря компартии Ленинградской области. Но так как заговорщикам не удалось близко подойти к Жданову и убить его из револьвера, то они решили перейти к бомбам.

Показания Е. Гольцмана.

Обвиняемый Е. Гольцман заявил, что он был посредником между проф. Смирновым и сыном Троцкого — Седовым, жившим в Берлине, куда Гольцман был послан с докладом Смирнова об экономическом положении СССР.

Гольцман передал Седову экземпляр «Тысячи и одной ночи», что сдужило для заговорщиков шифром. Потом он поехал в Копенгаген, где вел переговоры с Троцким, который, узнав из уст Гольцмана об успехах коллективизации и промышленного развития СССР, заявил ему:

— «Единственный путь устранения Сталина — это убить его, путь террора».

Троцкий обещал, что восстановит на видных постах всех опальных членов компартии, в том числе и его, Гольцмана.

На вопросы прокурора Гольцман давал странные ответы, повидимому, не отдавая себе отчета в том, что говорит. Во время показаний он страшно волновался.

Жена уличает мужа.

Странную сцену представляло выступление свидетельницы Анны Сафоновой, жены проф. Смирнова, привлекающейся к ответственности по делу о заговоре во второй группе. Она заявила, что ее муж был главой троцкистов и принимал деятельное участие в терроре.

Прокурор Вышинский спросил Смирно-

ва, не имеет ли жена личную злобу против него? На это Смирнов ответил, что, поскольку он знает, не имеет!

— Мы жили раньше, как муж и жена, а потом разошлись, — сказал он.

Проф. Смирнов признал, что по закупочным делам ездил в Берлин, где имел совещание с сыном Троцкого — Седовым, по предложению которого он принял на себя пост главы московской группы троцкистов. С ним он обсуждал вопрос о желательности террора и позже послал к нему Гольдмана, но лично не принимал участия в заговоре об убийстве Сталина.

Председатель суда В. Ульрих и прокурор подвергли Смирнова суровому допросу, из которого выяснилось, что он сидит в тюрьме с 1932 года и что другие арестанты неоднократно устраивали на него нападения за принадлежность его к троцкизму.

Показания Ольберга и Мираховского.

Не менее странное показание дал Валентин Ольберг, рассказавший о том, что он приехал в СССР по фальшивому паспорту, данному ему в Берлине Гестапо.

По словам Ольберга заговорщики думали убить Сталина и других «вождей» на первомайском параде. Педагогический Институт в Нижнем — Новгороде, где имелись два профессора — троцкиста, уже арестованные должен был дать им рекомендацию в Московский Педагогический Институт — к троцкисту — проф. Федотову. С его помощью заговорщики — студенты смогли бы проникнуть на парад атлетов и бросить в Сталина и других «вождей» на трибуну бомбу... на расстоянии 200 футов.

Обвиняемый Мираховский подробно рассказал, как командир Д. Шмидт должен был покончить с Ворошиловым и что еще в 1931 году, когда Мираховский находился в Казахстане, к нему привозил письмо Троцкого и Каменева другой обвиняемый Дрейндлер. Группы Троцкого и Зиновьева были потом объединены.

Зиновьев в новом показании заявил, что «троцкизм плюс терроризм составляют фашизм». Потом он прокричал истерическим голосом, напугавшим его пропаганд-

ные выкрики в былые времена, во время царствования его в компитерне:

— «Я признаю себя виновным перед пролетариатом всего мира!»

Далее Зиновьев добавил, что у Смирнова обсуждался вопрос об убийстве всех членов совнаркома. Совещание его со Смирновым было устроено в ресторане совнаркома в Кремле с целью избежать слежки и не вызвать подозрений встречами на частных квартирах.

Рейнголд в новом показании привел остроумие Каменева, сказавшего, что лучшим средством является — отрубление головы, так как «головы больше не растут».

— Я сказал правду и опровержения меня не поколеблют! — заявил он.

Такое же показание дал и другой обвиняемый — писатель А. Тер-Ваганян.

Каменев решительно отверг их обвинения и сказал, что вовсе не намечалось поголовное убийство всех участников заговора для сокрытия следов при помощи будущего главы ГПУ — обвиняемого Бакаева.

Радек и Раковский требуют казни 16-ти.

Большевничка «Правда» в передовой потребовала расстрела всех 16-ти подсудимых. Карл Радек в той же газете также потребовал расстрела Зиновьева и Каменева. «Эта шайка в сто раз обычного заслуживает казни».

— Я был когда-то в плену у Троцкого, — пишет в свое оправдание Радек, — но я возмущался, когда он внушил мне идею действовать при поддержке буржуазных держав против СССР. Я его саботировал и выбрался из круга влияния Троцкого.

Другой бывший троцкист — Христиан Раковский, снятый Сталиным с поста полпреда в Париже и долгие годы находившийся в ссылке, написал редкую по пресмыкательству статью в ту же большевничку «Правда», в которой он резко осуждает своих друзей — Зиновьева и Каменева, требует для всех участников «заговора» смертной казни, а Сталина величает «славленным руководителем» и «любимым вождем», забывая о том, что он же всегда

называл его «слом» и «тупоголовым инаком».

Заявляя, что Троцкий находится в связи с тайной полицией наци, Раковский утверждает, что он — «политический авантюрист и негодяй, бесчестный бродяга» и т. д.

Четвертый день процесса 16-ти.

Благодаря необычайно словоохотливости обвиняемых и их сознаний, ис требовавших проверки улик, дело 16-ти приблизилось к концу.

Главный прокурор СССР — Андрей Вышинский произнес решительную речь, в которой он требовал расстрела всех 16-ти обвиняемых. Его речь была громовой и суровой и говорил он в течение более 3 часов.

Во время его убийственной для обвиняемых речи многие второстепенные подсудимые, оговорившие виднейших вожakov, опустив головы и закрыв лица руками, горько плакали, всхлиывая, как дети, которых бысекли.

Вышинский нарисовал всю историю краха троцкистских теорий, свержения Троцкого, потери власти и престижа в массах и последующей ненависти и зависти к Сталину и процветанию СССР. Обращаясь к Зиновьеву, он сказал:

— Кровь и теперь еще не смыта с ваших рук! Вы пали так низко, что пасали некролог убитому вами т. Кирову! Вы погасили наш светоч и затем притворно оплакивали его, как наемный плакальщик!

— Эти вредители, — кричал Вышинский, — не тигры и не львы! Это — бешеные фашистские собаки, отбросы человеческого общества, предатели и бандиты! Их единственной политической программой была — убийство;! — гремел прокурор.

— Улики, представленные на суде, вполне доказывают, что все они виновны и что Троцкий был главным организатором террора, — продолжал Вышинский: — Его инструкции были главным фактором образования объединенного троцкистско - зиновьевского террористического блока. Они надеялись, намеревались возвратиться к

власти через трупы вождей нашего пролетарского отечества. Они — бешеные собаки И должны быть расстреляны все до единого!

Слушая громовую речь прокурора Вышинского, второстепенные обвиняемые, оговорившие «вождей», как Рейнголд, Драйлер, Тер-Ваганьян и другие, все время плачут горькими слезами. Зиновьев и Каменев также были сильно взволнованы речью Вышинского, но удержались от слез.

Предупреждая всех заговорщиков, Вышинский заявил, что «мы примем самые решительные меры для искоренения всех заговоров». В заключение он сказал:

— Я хочу сообщить суду, что я приказал начать расследование о Томском, Бухарине, Рыкове, Радеке, Пятакове и Угланове и что Сокольников и Серебряков по моему приказу арестованы. Улики против двух последних вполне достаточны для их осуждения. Показания, данные против них на суде, подтверждаются документами, имеющимися в распоряжении следственных властей.

Томский — глава Госиздата, Бухарин — редактор большевизмской «Правды», Рыков — бывший председатель совнаркома и нарком связи — почты, телеграфа и телефона, Радек — сталинский борзописец и сановник, Пятаков — знаменитый автор пятилетки, бывший председатель госбанка и помощник наркома тяжелой индустрии, Орджоникидзе, Угланов — бывший председатель компартии Московской области, Сокольников — бывший товарищ наркоминдела, бывший полпред в Лондоне, Серебряков — товарищ наркома путей сообщения, спец по нефтяному делу и золотым приискам. Все они старые большевики и друзья Ленина.

После речи прокурора Вышинского подсудимым было предоставлено последнее слово. Для многих, присутствующих на процессе 16-ти, стало очевидным, что впервые в истории СССР видные коммунисты, как Зиновьев, Каменев, Евдокимов и Смирнов, будут расстреляны. На иностранных корреспондентов процесс производит впечатление непонятного кошмара. Они никак не

могут понять, для чего именно затеян процесс и как заставили обвиняемых давать нужные для Сталина показания.

Одни полагают, что дело затеяно по причинам внутреннего кризиса в компартии, о котором никто из непосвященных ничего не знает, а другие думают, что целью его является желание Сталина дискредитировать заграницей Троцкого, приобретшего влияние в компартиях Испании и Франции и пытающегося занять там доминирующее положение. Третьи же полагают, что дело затеяно отчасти для того, чтобы скомпрометировать германскую тайную полицию и ослабить заявление Гитлера о коммунистической пропаганде и о вмешательстве Москвы в испанские дела. Четвертые утверждают, что Сталин желает показать всему миру, что он настолько могуществен, что может казнить даже бывших комсесаров и большевистских лидеров, дерзнувших выступить против него и в то же время возбудить в населении СССР возмущение против фашизма, установив связь гитлеровских агентов с Троцким и Ко.

Последнее слово подсудимых

Перед речью прокурора Вышинского обвиняемый Давид рассказал, как он, находясь под влиянием Троцкого, ездил в Копенгаген. Он не смог проникнуть на 7-ой съезд компартерна и убить Сталина. Поэтому сын Троцкого, живший в Берлине под именем Седова, прислал новое требование — ускорить убийство вождей. Дрейзер рассказал, как сестра Троцкого передала ему в Варшаве театральный журнал, присланный из Дании Троцким с шифрованными инструкциями для террористов. Письмо Троцкого с инструкциями Мрачковский потом сжег. Берман-Юрия заявил, что все обвиняемые — жалкое орудие в руках Троцкого.

Наконец, и Л. Каменев перестал упираться в последний пункт и «сознался», что он виновен в убийстве Кирова так же, как Зиновьев, Евдокимов, Сокольников и Мрачковский. Он заявил, что сейчас же после возвращения из ссылки он и Зиновьев принялись за организацию заговора

против Сталина, в который были вовлечены также Карев, Куллин, Лимонадзе, Румянцев, Цапкин и Яковлев.

Допрошенный после этого заявления Яковлев, преданный суду во второй группе заговорщиков, рассказал, как он по поручению обвиняемого Карева организовал в Академии Наук террористический центр.

Обвиняемый журналист Тер-Ваганян рассказал со слезами на глазах, как Зиновьев и Каменев требовали восстановления «Ленинского ЦК» и как о заговоре сообщалось Радеку, Рыкову и другим участникам заговора.

При последнем опросе Г. Зиновьев сказал следующее:

— Обвинения, выдвинутые против меня, — правильны. Я не намерен защищаться и только скажу свое последнее слово.

«Последнее слово» подсудимых «дела 16-ти» явилось для многих новой поразительной сценой фантастической феерии, которую может придумать только самый талантливый автор уголовных романов. Обвиняемые говорили, что они «рады умереть за свое предательство» и «гнусные преступления».

(Окончание в следующем номере).

МАРК СТЕПНОЙ.

В ЯПОНИИ АРЕСТОВАНО 300 АНАРХИСТОВ

ТОКИО. — Японская полиция произвела массовые аресты анархистов, начавшиеся еще в ноябре 1935 года.

Анархисты вели усиленную пропаганду среди фермерского населения, очутившегося в чрезвычайно тяжелых условиях жизни. Пропандой руководило «Аграрное общество молодых людей», члены которого являлись последователями анархических учений П. Кропоткина и М. Бакунина.

Пропанда велась в 41 префектуре. В Шанхае закупалось огнестрельное оружие для террористических актов.

В числе арестованных — Харуки Сузуки, 39 лет, Хигару Маизаки, 38 лет, Джунзи Хошино, 31 года, г-жа Аки Яги, 43 лет и др. Анархисты также вели пропаганду среди солдат, и создавали военные группы.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 1.

РУССКОЙ АНАРХИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ВО ФРАНЦИИ

Товарищи!

Уже свыше четырех месяцев испанский пролетариат ведет героическую борьбу с мировой реакцией; уже свыше 4 месяцев льется кровь самоотверженных борцов в этой неравной борьбе и лучшие борцы, наиболее светлые личности пролетарского освободительного движения сложили свои головы под ударами международных варваров, выступающих под флагом фашизма и национализма. Еще никогда мировой капитализм не выступал так открыто, во всем блеске своего цинизма, надругаясь и издеваясь не только над созданным им же самым правом, но и над религией, нацией, своим собственным отечеством и народом (в широком смысле этого слова), над культурой, одним словом, над всем тем, защитником чего он себя выставлял и выставляет. Но никогда еще капитализм и не встречал такого широкого и единодушного сопротивления, какое встретил в Испании. Вот почему спасение культуры вверено наймитам иностранного легиона, а испанский национализм — арабам.

Наиболее стойким и наиболее решительным защитником и борцом, как и следовало ожидать, выступил испанский пролетариат, первым словом которого было: «Да здравствует Национальная Конфедерация Труда! Да здравствует Иберийская Федерация Анархистов!» Благодаря активному вмешательству наших испанских товарищей анархистов и анархо-синдикалистов удалось избежать фашистского переворота в Испании; благодаря им международный фашизм не имел того успеха, на который он рассчитывал. И вот уже свыше четырех месяцев этой героической борьбы! Победа над фашизмом в Испании, это — не только поражение мировой реакции, это — победа социальной революции.

Товарищи! Мы великолепно отдаем себе отчет, как трудна будет эта борьба и как мы одиноки будем в ней; мы зна-

ем, — с каким напряжением каждый из нас следит за этой борьбой; мы знаем, как мало или почти ничего не найти об этой титанической борьбе наших товарищей в Испании не только в буржуазной прессе. Вот почему мы решили употребить все силы, чтобы придти в этом отношении на помощь. Увы, эти возможности слишком незначительны! Но мы делаем то, что в наших силах.

Во Франции в настоящее время выходят две газеты, которые непосредственно связаны с Испанией и в них дается все то, что можно найти на иностранном языке. Мы решили еженедельно брать из них наиболее существенное и тем самым придти на помощь русским товарищам. Мы не думаем на этом остановиться, но это уже будущее покажет.

Об'единимся, товарищи, в этой решительной борьбе за наше светлое будущее!

За всеми сведениями просим обращаться в «Дело Труда» и «Пробуждение».

КАТАЛОНИЯ — ОПЛОТ РЕВОЛЮЦИИ

Под таким заголовком мы находим в...

(Женева) интересную статью, автор которой, Карло Розелли, бывший профессор по кафедре национальной экономики в университете в Генуе.

Профессор Розелли, который имел раньше в Италии три года каторжных работ, в настоящее время находится во главе итальянской секции колонны Асказо, на фронте Гуско, где он и был ранен.

«Судьба Испании в настоящее время зависит от Каталонии. Пессимизм, который господствует в некоторых кругах, симпатизирующих нам, мне кажется, не соответствует действительности. Не только осажденный Мадрид и значительная часть Южной Испании, находящейся под сапогом фашизма, все побережье Средиземного моря и Каталония остаются в высшей степени антифашистами и энтузиастами. А Каталония включает половину испанского на-

селения, половину богатств страны и три четверти ее индустрии. Каталонская армия находится в предвериях Сарагоссы. На протяжении трех месяцев Каталония смогла разрушенный старый режим заменить новой системой; и этому она обязана анархистам, которые показали исключительную способность в умеренности, реальности и организации.

В настоящее время Барселона представляет совершенно нормальный вид. Все общественные службы, все театры функционируют нормально. Во всех отраслях администрации зарождается жизнь действительно конструктивной революции.

В Каталонии все революционные силы группируются вокруг одной действительной синдикало-социалистической программы: социализации крупной индустрии и лати-фундий (за исключением иностранных); уважение к мелкой собственности и т. д.

Анархо-синдикализм, когда то не признаваемый, поругаемый развивает исключительные творческие способности. Сантьяго, анархист и главнокомандующий каталонской милицией, рассказывал мне о реорганизации крупной военной индустрии. И, собственно говоря, мы сами могли отдавать себе отчет о значении этой мобилизации на самом фронте. Мы поехали на фронт в рабочих бумажных блузах и в веревочных туфлях. Теперь мы постепенно превращаемся в хорошо снабженную армию.

Чудо! Чудо, секрет которого нужно искать в революционном энтузиазме народа, в самодеятельности синдикатов и их вождей.

Я не анархист, но я полагаю, что мой долг справедливости искренне высказать мое мнение о сущности каталонского анархизма, который очень часто представляют как силу только критическую и разрушительную, если не преступную. Как бы то ни было, анархизм Каталонии является очень крупным течением в западном европейском рабочем движении. Оно исходит от Прудона и Бакунина и всегда выдвигало на первый план историческую миссию экономической рабочей организации.

Безвластные коммунисты Каталонии «вольтерристы», для которых социальная жизнь в целом не есть результат механического развития продуктивных сил, а творческого волеизъявления и борьбы масс. Их точка отправления — индивидуум. Согласно их мировоззрению, революция должна иметь человека, как отправную точку, как метод и как цель. Не бюрократическая регламентация, а свободная ассоциация свободных людей.

Сущность каталонского анархизма, это — род безвластного гуманизма, прописанного культурой. Культура — его страсть. Его самый большой мученик — учитель и педагог: Франциско Феррер «Подпольные анархисты» Дорутти, Асказа, Ховер, Оливер основали в Париже книжный магазин в то самое время, когда их преследовали в Каталонии как бандитов.

Новая форма демократии рождается в настоящее время в Каталонии: теоретический и практический синтез русского опыта и западно-европейского наследия.

Каталонский анархизм — свежая и молодая сила, имеющая, в то же время, солидную основу. В некоторых отношениях он, быть может, немного примитивен, но тем лучше подготовлен к будущему.

Его вожди — не старики, разложившие парламентаризмом. В большинстве случаев это — молодые революционеры, не старше 30—35 лет, созревшие и хорошо закаленные долгими годами тюрьмы и изгнания и обладающие, как все каталонцы, хорошим практическим здравым смыслом.

Я пробыл на фронте с анархистами 75 дней и я в восторге от них.

Каталонские анархисты — авангард западно-европейской революции. С ними нарождается новый мир и большая радость работать с ними.

Вы, доктринальные революционеры Мадрида, люди II и III интернационалов, реформисты, вы — те, которые запутались в своих собственных доктринах! В отношении анархизма, вспомните о днях 19 и 20 июля в Барселоне: не забывайте, что один из лучших генералов фашистов Годен раньше и научно подготовил внезапную ата-

ку ла Каталонью. Стратегические пункты были заранее заняты с 40,000 войском. Теоретически, Барселона была взята.

Судьба Испании в руках Каталонии. Социализм и авторитарный коммунизм с ужасом наблюдают за этим феноменом, который выходит за пределы их писанных формул.

К счастью, события начинают изменяться в последние дни. Несколько еще битв могут быть проиграны. Но война будет выиграна. Это произойдет в силу очень простой вещи: родился новый мир; весь народ вкусил уже плоды Свободы, не только в своих организациях, но и на фабриках, на полях, на фронте, повсюду. Этот народ никогда не может вернуться к рабству».

Товарищи! Мы с большим удовольствием помещаем эту статью т. Розелли, так как мы думаем, что хоть несколько она сможет воспроизвести тот энтузиазм, который породили испанские анархисты в среде не-анархической своим мужеством и, главным образом, организаторскими способностями. Мы эти признания слышим чаще и в более горячей форме. Мы рассчитываем, что эта статья лучше объяснит вам и другой факт. Тысячи самоотверженных борцов прошли через анархический комитет защиты испанской революции самых разнообразных оттенков и убеждений: все они выражали одно желание — бороться и умереть или победить под знаменем каталонских анархистов и анархосиндикалистов. Новый мир родится в революционной Каталонии и этот мир хотят назвать анархией! Сплотим же наши силы и направим нашу энергию, чтобы и мы могли внести в это наше дело свою долю! Придем на помощь нашим единомышленникам и братьям в Испании! Не от прачительств, а от нас они ожидают ее!

РЕДАКЦИЯ.

СИНДИКАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ

Наши городские самоуправления уже организованы и их состав пропорционален антифашистским силам каждого посе-

ления. Но трудящиеся Национальной Конфедерации Труда не должны из-за этого прекратить всякую деятельность по организации новой экономики, оставляя всю деятельность своим представителям, «которые сделают все необходимое». Если это так, это будет почти отказом от самой сущности наших принципов. Новая экономика должна идти от поля на фабрику и оттуда в организмы координации, в данном случае в муниципалитеты.

Проблема Революции — очень сложная проблема. Поэтому мы настаиваем и будем настаивать, пока это необходимо, чтобы наиболее подготовленные товарищи были на страже Революции.

Когда враг будет побежден — это не значит, что все трудности исчезнут; наоборот, в тот самый момент и появятся новые препятствия и, чтобы не попасть в новые бюрократические сети, мы должны основывать экономию на синдикатах.

Ведь синдикаты представляют то, что мы называем «мостом» между уходящим со сцены миром и нарождающимся в ближайшем будущем миром.

Синдикаты должны объединять все усилия и члены их должны быть сеятелями новых идей. Если мы этого не сделаем, то после победы мы окажемся в лабиринте, из которого нам будет трудно выбраться; все войны, все и всегда, разрушают и ослабляют для ее ведения и это исключительное положение будет существовать до тех пор, пока новая экономика, самое важное из наших забот не заменит ее.

Без абсолютного и полного контроля производства и потребления невозможно будет установить синдикальную экономию.

С этой целью мы призываем всех, кто чувствует необходимость социального обновления и работает в наших рядах. Мы просим их посвятить наибольшую часть их активности на изучение проблем экономики, там, где они находятся.

Эта работа должна быть произведена сверх трудного дня. Несколько часов в день, посвященных проблемам экономики, будут достаточны, чтобы выработать план

основами которого будут увеличение урожайности земли и производства машин, чтобы мы со всего этого имели больше, чем мы имели до сих пор.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Коллективизация в Пля и де Кабра

В Пля де Кабра, 6-го октября 1936 года, все члены, объединившиеся в Единый Синдикат решили организовать коллективизированную секцию, в которую мог бы войти всякий, кто захочет.

С точки зрения революционной и идеологической, они объявляют себя сторонниками упрощения, оставляя за собой права решать все проблемы, которые будут продиктованы обстоятельствами с логикой вещей, внося все те изменения, которые будут необходимы, в надежде, что практика покажет сама как их достоинства, так и недостатки.

На этом собрании, 50 семей заключили следующий контракт:

1) Каждый записавшийся в Коллективизированную Секцию обязуется внести свое достояние в коллектив для совместной работы и установления новых основ жизни.

2) Все члены коллектива будут иметь одинаковые права и обязанности.

3) Коллектив будет управляться согласно решениям, которые будут приняты на общем собрании по большинству голосов.

4) Коллектив считает, что все работники, которые имеют две профессии, выберут из них одну. Если в той отрасли, которую они выберут, работы не окажется, они должны будут работать в другой.

5) Работоспособным будет считаться каждый член, которому исполнилось 14 лет и до того момента, пока ему позволяют силы. Все члены, которым исполнилось 60 лет, будут работать, если они сами пожелают.

6) Все работоспособные члены, входящие в семью могут помогать в соответствующее время в полезной работе этой последней.

7) Создать производительный кооператив,

который будет контролировать производство и способствовать обмену продуктами с другими сельскохозяйственными и промышленными коллективами, чтобы иметь таким образом возможность приобретать необходимые механические инструменты для обработки земли.

8) Создать распределительный кооператив для снабжения членов коллектива и сочувствующих ему.

9) Все члены коллектива приобретают в кооперативе, при посредстве расчетного знака, все необходимые продукты. Все излишки расчетных знаков вносятся в секретариат для обмена в конце каждой недели. Всякий раз, когда излишки достигнут суммы в 150 пезет, эта сумма будет употреблена по общему решению, например, для путешествий, экскурсий в нетрудовые дни, кроме случаев невозможности.

10) Коллектив выдает каждой семье причитающуюся ей долю, по количеству членов. Например, одинокий получает 5 пезет в день, семья из двух лиц — 7 пезет, трех — 9 пезет, четырех — 11 пезет, пяти — 13 пезет; семь, превышающие пять лиц, получают по пезете на день на каждого лишнего члена семьи.

11). Ни один член коллектива не получает больше причитающейся ему доли.

12) Всякий член коллектива, заболевший или потерявший трудоспособность от несчастного случая на работе, будет иметь полное удовлетворение своих потребностей и получать медицинскую помощь. Медицинская помощь будет обеспечена рабочим санитарным госпиталем, организованным коллективом. Эти же условия распространяются на всех беременных женщин и вообще всех лиц, нуждающихся в медицинской помощи и медикаментах.

13) Если два члена коллектива — мужчина и женщина — захотят вступить в союз, то коллектив их снабдит помещением, мебелью и т. д. Если же член коллектива, одного или другого пола, хочет вступить в союз с лицом, не входящим в коллектив, то оно получает лишь причитающуюся ему долю. Наконец, находя, что

физическая формация человека не заканчивается раньше 20 лет, член коллектива не может вступить в союз раньше этого возраста.

14) Коллектив создает скотоводческую ферму.

15) Каждая семья, пожелавшая получить 6 курей и пару кроликов для разведения или собственного употребления, могут их получить, при условии заменять каждые два года молодняком, стоимость которого будет поставлена им в счет.

16) Будет произведен полный инвентарь имущества, принадлежащего лицу вступающему в коллектив.

17) Каждая семья или отдельное лицо, которому коллектив дал аванс для вступления в свою среду, обязан выплатить этот аванс в размере 25% в год; таким образом аванс будет погашен в 4 года. Но коллектив оставляет за собой право на получение погашения лишней год за свою гарантию. Все, кто вошел в коллектив с взносом собственного имущества или благодаря авансу, при желании выйти из коллектива, по какому бы ни было поводу, получают полностью все, что им причитается.

18) Каждый член коллектива имеет право на 15 дней каникул в году. Но, пока длится существующее положение — борьба с фашизмом — никто не должен торговаться за количество, приложенных труду дней.

19) Чтобы войти в коллектив, необходимо быть членом одной из революционных организаций: Национальной Конфедерации Труда или Всеобщего Союза Трудящихся.

20) Каждое лицо, желающее выйти из коллектива, выходит из него после сбора урожая, предупредив коллектив за два месяца раньше. Гражданский год заканчивается 30 октября.

Прибавочный параграф: Настоящий регламент может быть изменен общим собранием.

АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Непосредственным результатом муниципализации земли (меры, предложенной Национальной Конфедерацией Труда). Бы-

ло быстрое повышение ценности земли. Этот факт позволяет предвидеть, не боясь ошибиться, что возможность развития земледелия, которую дала революция в Каталонии, может достигнуть неожиданных результатов.

Крупные собственники, эксплуатирующие чужой труд, посредники, обогащавшиеся без всякого усилия, исчезли. Остались только мелкие собственники, которые пользуются прибылью с капитала, так же как и их наследники, если они этого захотят, с той самой земли, которую они должны будут обрабатывать своим собственным трудом.

Отличный пример, который должны будут представить коллективы, в которых должны будут прийти на помощь Генералитет и муниципалитеты, для того, чтобы они могли быстро и уверенно развиваться, должны будут породить желание у этих мелких собственников кооперировать с этими коллективами, внося свой труд и свой капитал. Конечно, в отношении этих мелких собственников не должно быть никакого давления в этом отношении и им должна быть оставлена полная свобода действий по их собственному желанию.

Муниципализация земли станет, конечно, наиболее выдающимся делом рождающейся новой революционной Экономии. При буржуазном режиме, фермер, который собирал с земли благодаря своим сбережениям и своему тяжелому труду должен был давать собственнику ее 40—50 иногда 60% сбора. Теперь труженик будет получать полностью урожай с земли, в то время как общество, будет заботиться об ее улучшении.

Уступка, делаемая в пользу мелкого собственника, оставляя за ним полностью урожай, если он захочет ее обрабатывать, имеет в виду, с точки зрения Национальной Конфедерации Труда, не урезать индивидуальную свободу в труде: труд тогда становится приятным, когда он приносит полное удовлетворение.

Отсюда не следует заключать, что все революционные организации, работающие

на земле и которые чувствуют и понимают конструктивную работу Национальной Конфедерации Труда, не делают все возможное, чтобы доказать землеробу, что коллективная эксплуатация не только его повышает морально в сотрудничестве на общем деле, но и экономически более продуктивна для трутящегося. Употребление современных машин, необходимая экономическая помощь, даваемая официальными организациями, необходимо должна давать лучший экономический результат, в то время, как личные усилия также будут легче. Этот результат, который легко будет доказать на практике по немногу будет удалять земледельца от мелкой обработки земли с тем, чтобы возбудить в нем симпатию к коллективной эксплуатации.

С точки зрения Национальной Конфедерации Труда, муниципальная свобода — первая основа конфедеративной доктрины. Но эта их внутренняя свобода не должна нарушать их обязательств по отношению к областным муниципалитетам и Совета Земледелия Генералитета. Земледельческая жизнь Каталонии накладывает обязанность на все муниципалитеты соизмеривать для общего дела, чтобы сельско — хозяйственное благополучие было в гармоническом соотношении между словом и делом. Иметь возможность свободно организовать свою внутреннюю жизнь еще не значит, что каждый муниципалитет может сделать все, что ему взбредет в голову.

Мы потеряем каждый день, что без дисциплины невозможно будет ни выиграть войну, ни построить экономичу революции.

АНАРХО-СИНДИКАЛИСТСКИЙ КОМИТЕТ

Отчет Конференции Комитетов французских анархо — синдикалистов, состоявшейся в Париже 15 ноября 1936 года.

Первое заседание открылось под председательством тов. Патюрала из Лиона.

С решающим голосом были представлены следующие комитеты: Перпиньяна, Бордо, Лиона, Лиможа, Вайонны, Реймса, Нантера, Сан-Дни и Парижа.

С севещательным голосом присутствовали: Всеобщая Конфедерация Труда Соци-

алистов Революционеров и Федерация Анархистов Франции.

Первое слово предоставляется тов. Бенару. Он выражает скорбь, которую мы чувствуем с потерей, понесенной антифашистским движением в целом и, в частности, безвластным, со смертью нашего тов. Дурутти, убитого в Мадриде и читает текст телеграммы:

«Национальной Конфедерации Труда и Иберийской Федерации Анархистов, Вилла-Лейтана, Барселона. Члены Международного Товарищества Рабочих. Всеобщая Конфедерация Труда Социалистов — Революционеров, Федерация Анархистов Франции и Конгресс французских анархо — синдикалистских Комитетов, глубоко тронутый смертью Дурутти, посылает организациям и семье свое соболезнование».

П. БЕНАР.

Эта телеграмма принята единогласно.

Тов. Бенар напоминает, что эта Конференция — не что иное, как продолжение Конгресса, бывшего в Париже 24 и 25 октября, который и выработал сегодняшнюю повестку дня.

Он сообщает, что Конгрессе Прифронтовых Комитетов, на котором он присутствовал, принял ряд решений, касающихся исключительно этих Комитетов.

Конференция не может обсуждать этих решений, а только принять к сведению.

Однако, он думает, что выпуск платных членских карточек, указанных в отчете, выданных каждому делегату, не был принят.

Делегат Перпиньяна объясняет, что дело касается не членских билетов, а карточек симпатизирующих. Не надо бояться появления новых организаций, которые может быть немного расстроят работу, уже проделанную до настоящего времени.

Зарегистрировав эту декларацию, Конфедерация принимает к сведению решения Конгресса Прифронтовых Комитетов.

Дальше переходят к обсуждению плана организации местных Комитетов. Только Комитеты Парижа и Лиона подготовили доклады по этому вопросу.

Прочитывается план парижского Комитета. Этот план не противоречит тому, который был принят в общих чертах на Конгрессе 24 и 25 октября, обсуждая план, предложенный Перпиньяном.

Затем доводится до сведения план Лиона, и принято, что после всеобщего обмена мнений, будет открыта дискуссия парижского плана.

Перпиньян отмечает, что он не хотел бы, чтобы он был волеправом в национальном масштабе, чем не будут известны результаты попыток, сделанных Комиссией, назначенной Конгрессом в Лионе, получившей мандат попытаться реализовать единство действий всех организаций анархистов и анархо-синдикалистов всей страны.

Париж замечает, что единство действий реализовано по всей Франции, за исключением Парижа. Соображения Перпиньяна не могут быть приняты во внимание. К тому же ничто не мешает работе Комиссии по объединению; наоборот, подтверждение необходимости единства, которая представляет собой сегоднешняя Конференция, только облегчит задачу Комиссии и будем приветствовать успех ее усилий.

Тов. Беннар согласен с Парижем.

Проект не представляет никакого централистического характера. Комитеты могут быть в этом вполне уверены.

Слова: Федеративный Союз, никого не должны пугать. Наоборот, как это доказывает проект, необходимая автономия Комитета будет вполне сохранена.

Одна из характеристик проекта, которая отражает международное положение, это — распространить на север Франции и Бельгии работу уже произведенную в других частях нашей страны.

Перпиньян вполне понимает роль парижского Комитета, и он надеется, что Комиссия, назначенная в Лионе, добьется успеха и предлагает оставить место для Анархического Союза и Бюро Федеративного Союза.

Тов. Беннар вновь утверждает, что Федеративный Союз, вместо того, чтобы слу-

жить препятствием для объединения действий, будет лучшим способом его реализовать.

Если Комиссии удастся убедить анархический Союз войти в Федеративный Союз на основах, послуживших к созданию парижского Комитета, Анархический Союз естественно будет иметь представителей в Бюро и Контрольной Комиссии.

После некоторого обмена мнений, решено перейти к голосованию в принципе о Федеративном Объединении, признанном всеми совершенно необходимым.

Голосуют за: Байонна, Бордо, Нантер, Лимож, Сан-Дни, Реймс и Париж.

Голосуют против: Перпиньян, признавая, однако, что он признает ее необходимость.

Представитель Перпиньяна берет на себя обязательство, что он попытается убедить своих товарищей из Комитета, что Федеративное Объединение не явится препятствием к объединению действий.

ВТОРОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Председатель: Натюраль. Конференция переходит к повестке дня по обсуждению проекта, представленного Парижем.

В заключение, после нескольких поправок, этот проект единогласно принимается, за исключением воздержавшихся Лисса и Перпиньяна, представители которых, однако, обязуются указать на необходимость принятия в своих Комитетах.

В состав Бюро Федеративного Объединения вошли:

Генеральный секретарь: Беннар, Секретарь: Тубле; Кассир: Жиро.

Конференция решает поручить Бюро Федеративного Объединения создать везде, где будет возможно, Анархо-Синдикалистские Комитеты и, особенно, на севере Франции и в Бельгии. Проверку результатов работы предложить на следующей Конференции.

Конференция обсуждает еще некоторые вопросы.

Особенно оживленные дебаты возникают по вопросу об органе «Антифашистская Испания». Редакция подчеркивает успех

этого органа и доводит до сведения, что есть много обещаний со стороны представителей Иберийской Анархической Федерации, сделанных в Лионе, и со стороны представителей Национальной Конфедерации Труда, сделанных в Париже на пленуме Международного Товарищества Рабочих.

Нужно подчеркнуть еще исключительно дружескую обстановку, в которой протекали все дискуссии. И, в самом деле, самые непротиворечивые точки зрения высказывались в самом товарищеском тоне и каждый видел только одну заботу — выполнить лучше работу, чтобы обеспечить защиту наших испанских товарищей.

Проект, принятый Конференцией, в части, касающейся создания Федеративного Объединения, Анархо - Синдикалистских Комитетов, которые теперь входят в статут настоящей организации, будет отправлен всем Комитетам.

Покорнейшая просьба ко всем Комитетам, которые не прислали своих представителей на настоящую Конференцию, утвердить ее решения и сообщить об этом в Бюро Федеративного Объединения путем присылки своего присоединения.

Адрес для корреспонденций Федеративного Объединения и Парижского Комитета продолжает оставаться:

Секретарь:

П. Бенар.

ОРГАНИЗУЮЩАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ Местная и провинциальная Федерация Синдикатов Гренады

Провинциальный пленум Гренады, имевший место в гор. Гуадиксе, 2, 3 и 4 октября, одобрил следующие мероприятия.

После заседания докладной Комиссии и всестороннего изучения существующего положения в Гренадской провинции; принимая во внимание, что каждый район имеет свои собственные методы труда, посева, земледелия; делегаты пленума приняли следующие меры для того, чтобы каждое местечко могло обеспечить себя экономически, в рамках наших федералистических принципов.

1. Общее положение

1) Чтобы ускорить и укрепить экономическое и социальное переустройство в нашей стране, необходимо создать в каждом районе комитет, состоящий из Национальной Конфедерации Труда и Всеобщего Союза Трудящихся, в качестве руководящей и ответственной организации. Если только одна из этих организаций существует в районе, то трудящиеся постановляют и делегируют того, кого они предпочитают. Если товарищи Всеобщего Союза Трудящихся разделяют наше мнение, они могут немедленно войти в сношения с нашей провинциальной организацией с целью совместно проводить контроль в районах.

2) Чтобы сельскохозяйственные работы были произведены нормально будут созданы смешанные комиссии производства; эти комиссии охватят все отрасли и специальности земледелия, скотоводства, птицеводства и т. д. Главная задача каждой комиссии заключается — следить, чтобы производство давало максимальный результат и не саботировалось по небрежности или злему умыслу.

3) Реквизиция земель должна быть произведена организациями, созданными двумя центральными органами синдикатов. Эти организации должны контролировать и управлять всем, что касается земледелия и следить, чтобы урожай шел в пользу народа.

4) Владения мелких собственников не будут тронуты. Им будут даны все возможности жить одинаковой жизнью свободно и извлекать выгоду из новых народных институций района, отправляя продукты для коллективного потребления.

5) Комитет Синдикального Единства будет контролировать все производство и приобретать необходимый инвентарь для вспашки, посева и снятия урожая.

6) Основой сношений с другими районами будет служить обмен продуктов, уравнявая ценность обмениваемых предметов на основании существующих цен.

7) Чтобы работа была производительной, каждый Комитет должен сделать подсчет жителей нетрудоспособных и годных к ра-

боте, чтобы знать на какие силы можно рассчитывать, а также распределять продукты по количеству членов семьи и правильно удовлетворять материальные потребности каждой из них.

8) Реквизированные земли перейдут в ведение коллектива. Только те земли не будут реквизированы, собственники которых докажут способность собственными силами достигнуть максимальных результатов.

2. Некоторые пояснения.

1) Комитет составляет рапорт, указывающий количество трудоспособных работников и состав их семьи.

2) Комитеты должны также учесть количество свободного оружия и передать его страже, назначенной Комитетом с согласия народа, в который только трудящиеся могут нести службу.

3) Комитет реквизирует хлеб и сельскохозяйственные орудия по потребностям семей, составляющих деревню и которым будет оставлено необходимое количество для потребления и на семена: излишек будет передан в распределительный магазин для обмена на предметы первой необходимости, как кофе, сахар, одежда и т. д.

4) Комитет реквизирует также рабочий скот, который будет ежедневно направляться туда, где он требуется. На отдыхе он будет находиться на попечении владельца. Если кто-либо имеет две упряжи, то он лишнюю передаст тому, у кого ее нет.

5) Животные, как свиньи, козы, кролики, куры и т. д., будут распределены по каждой семье в следующем размере: на семью из двух лиц — одну свинью, одну козу, двух куриц и четырех кроликов. Эта норма увеличивается для каждой двух членов группы. Исключительные случаи разрешаются, смотря по обстоятельствам каждого отдельного раза.

Лишний скот будет передан туда, где его не хватает и чтобы эти деревни в свою очередь послали другие предметы потребления, как рис, ветчина и т. под. В случае полного отсутствия продуктов для обмена в некоторых деревнях, другие де-

ревни будут обязаны снабдить эти последние необходимым, не на основании обмена, а по человеческой солидарности.

Принимая во внимание, что есть деревни, которые из-за малой продуктивности своей земли не производят достаточно для своих потребностей и что в действительности мы должны производить по силам и потреблять по потребностям, мы находимся перед обязанностью помочь деревням не производящим достаточно для своих потребностей, снабжая их необходимым.

6) В коммунах, где бы не было мест хранения продуктов, предметы первой необходимости будут равномерно распределены, пока длится существующее аномальное положение. В случае нормировки больные, дети и старики будут всегда иметь предпочтение; комитет пригласит всех трудящихся и население в целом, с целью обсудить какие продукты должны быть нормированы.

7) Весь народ имеет право потреблять, равным образом, как мужчины, так и женщины и дети, всеми способами избегая фаворитизм и привилегии. Долг всех работать, чтобы быть полезным. Те, кто частично неспособны к работе, посвящают себя тем работам, которые они могут делать, целиком освобождая всех моложе 15 лет и старше 70 лет. Женщины посвящают себя более легким работам, или тем, которые доселе исполняли мужчины, например, месить хлеб, — и где это возможно помогать им, в то время, как мужчины заняты борьбой с фашизмом.

8) Комитет каждой деревни помогает комитету связи, контролирующему производство и потребление.

9) Товарищи, способные к труду, будут контролироваться посредством книжки производителя или недельной карточки, на которой Комитет мастерской, поля или бригады ставит печать, по прибытии на работу. Предъявляя эту книжку или карточку в коммуну, всякий получает ему необходимое для ежедневного пропитания. Будет отказано в выдаче ежедневного пайка всякому, кто не имеет контрольной пе-

чати Комитета Рабочих, что доказывается, что данное лицо не произвело никакой полезной работы, за исключением уважительных случаев отсутствия. В исключительных случаях общее собрание обсуждает и решает о позиции, которую следует принять по отношению к нежелательным элементам.

ИСПАНИЯ И РОССИЯ

Когда борьба с фашизмом будет окончена, каков бы ни был состав правительства, находящееся у власти, победит настоящая революция, потому что победит народ.

Например, в Каталонии нет никакой возможности восстановить режим частной собственности, потому что все архивы сожжены, а также и потому, что честные люди передали организациям свои фабрики и поместья. В Каталонии земля коллективизирована, где прибыль распределяется между всеми и где деньги почти перестали циркулировать, ввиду того, что Комитеты Снабжения меняют продукты, и революция сделана. Естественным образом установился обмен продуктами деревни с деревней, волости с волостями и района с районом.

Действия анархистов, выразителей чаяний испанского народа, были настолько энергичные и плодотворные, что в Испании невозможно то, что произошло в России. В России анархисты делали попытки провести в жизнь свои идеи в некоторых районах, как Украина, где был произведен опыт установления безвластного коммунизма. Но, не будучи тесно связаны с народом, не проникая во все области народной жизни, они были отстранены от руководства страной. И красная диктатура, укрепившись и победив врага, оружие, созданное для борьбы с врагом, направила на борьбу с революционной Украиной, преследование и уничтожение анархистов. Вот почему в Каталонии нам долг, проникнуть повсюду, входить повсюду, быть повсюду. Таким образом, даже в политике, мы сделали революцию в Ис-

паниии. Здесь нет нарушения принципов, наоборот, некоторое принятие того, чему нас учит история. За исключением Русской Революции, Парижская Коммуна очень многому нас научила. Там анархисты вошли в народ, как революционный элемент, но они шли с разряженными ружьями, потому что их принципы говорили им, что убивать — преступление, и что война — преступление. Здесь мы хорошо вооружены ружьями и даже больше, чем ружьями. Когда мы можем иметь пулемет или пушку, мы ее утилизируем. Мы решили бороться и строить и выразить чаяния и волю народа.

Мы хотим сохранить единство. Но мы также хотим, чтобы идеи всех тех, кто борется с фашизмом, были также уважаемы, но мы воспротивимся против их политических махинаций. Им придется отказаться от своих маневрирований, или мы принудим сделать это силой. Пусть и другие также идут на уступки, ибо никогда события не повторяются, и что было возможно в России, здесь будет катастрофично и неприемлемо.

В настоящее время можно часто наблюдать, что синдикаты публикуют постановления уже проведенные в жизнь. Именно этот способ действий и экономического устройства и является одной из основ борьбы с фашизмом.

Это — народ и всегда народ должен указывать путь и этой борьбе.

ВХОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ТРУДА В ПРАВИТЕЛЬСТВО

Испанские синдикалисты призваны принять участие в руководстве страной. Эта новая фаза борьбы и в развитии испанского синдикалистического и анархического движения не должна быть рассматриваемая только с доктринальной точки зрения. Ведь это анархисты и синдикалисты, во главе революционного движения, которое выступило 19 июля против фашистских генералов. Создание антифашистских ополчений и коллективизации промышленности в Каталонии есть, главным образом, дело

Национальной Конфедерации Труда и Иберийской Федерации Анархистов. В продолжение некоторого времени существовало два правительства: с одной стороны — Генералитет, а с другой — Комитет Антифашистских ополчений и Экономический Совет. Скоро было установлено, что такая двойственность не может сохраняться. Тогда появился Генеральный Совет, составленный из всех антифашистских организаций. В Каталонии, в восточных провинциях и Арагоне, где анархисты и синдикалисты представляют больше половины антифашистских сил, фашизм был совершенно уничтожен, в то время, как в районах, где преобладали социал-демократы и другие партии, борьба не имела такого успеха.

В Мадриде синдикалисты в меньшинстве. Однако, их влияние усилилось за последнее время. Уже два месяца, как Национальная Конфедерация Труда настаивает на роспуске правительства и создании Национального Совета Оборона, с равным представительством от Национальной Конфедерации Труда и Всеобщего Союза Трудящихся. Ларго Кабалеро не хотел позволить забрать бразды правления, — он хотел быть Лениным в Испании. Эта политика ослабляла антифашистскую борьбу. Распределение оружия различным организациям и партиям производилось неравномерно, единство руководства военными действиями все более необходимое, все чувствовалось все сильнее. Быть только солдатами революции, позволить коммунистам и социалистам разыгрывать генералов, — такой образ действий не мог удовлетворить анархистов и синдикалистов. Они также имели право сказать свое слово на национальных совещаниях о способах ведения войны. Вот что означало предложение Национальной Конфедерации Труда о создании Национального Комитета Оборона.

Кабалеро не хотел ничего выпустить из под своего влияния. Между тем, военное положение Мадрида ухудшалось с каждым днем. Единство в руководстве борьбой возможно только в том случае, если

Национальная Конфедерация Труда будет призвана участвовать в этом руководстве.

На афишах, расклеенных по всей Испании Национальной Конфедерацией Труда, можно читать: «Два миллиона членов, 50 тысяч солдат на фронте, больше 2 тысяч местных организаций, Каталония, Восток и Арагон в руках Национальной Конфедерации Труда». Эта сила предлагает принять участие в антифашистской борьбе.

В Арагоне был основан Районный Комитет Оборона, в большинстве, составленный из сторонников Национальной Конфедерации Труда. Вот тогда то Мадридское Правительство было вынуждено дать удовлетворение Н.К.Т.: 4 социалиста вошли в министерство. Это только начало. Н.К.Т. имеет право на большее число мест, но сейчас не время вести междупартийную борьбу.

Новое Мадридское Правительство не есть правительство парламентарное, это еще менее — диктатура, ни буржуазное правительство. Оно, не более и не менее как просто антифашистское и имеет характер временного, преходящего. Основным вопросом для него является — или фашизм, или революция. Если победят антифашисты, социальная революция неизбежна. В таком случае это правительство исчезнет. Пример, Каталония и Арагон найдут и подражателей. Антифашистские ополчения несут перед собой пламя революции. Земельная собственность — экспроприрована, рабочие управляют промышленностью, коллективизация распространяется, просвещение увеличивается. Мадрид не сможет запретить этого потока. Этот новый дух идет с востока. Фашизм приобщил Мадрид к борьбе, анархисты будут завоевателями.

Н.К.Т. и И.Ф.А. обладают глубоким пониманием действительности и враги красных фраз. Их первый и последний лозунг — бороться. Однако, после этой первой борьбы придет вторая — за социальную революцию. В Испании антифашистская борьба и социальная революция представ-

ляют одно целое с различных точек зрения. Два этапа единого фронта. С этим новым развитием борьбы с фашизмом, Мадрид будет могилой испанского фашизма. И рано или поздно, международный фашизм постигнет та же участь.

ОТ РЕДАКЦИИ: Читателей, вероятно многие вопросы и стороны, затронутые данной корреспонденцией, вызовут недоуменное состояние и возбуждение. Во всяком случае, два вопроса вызывают у нас сильное желание дать и наше мнение: о выходе в правительство и русские вопросы. К сожалению, технические условия нам не позволяют этого сделать и мы ограничиваемся лишь только сообщением, имеющихся у нас фактов. Мы им, во всяком случае, отводим первое и исключительное место, так как это является и нашей единственной целью.

БЮЛЛЕТЕНЬ № 2.

Русский Анархической Группы во Франции

Мы предполагали, что подобные выпуски нам удастся посылать один раз в неделю, однако, это так не получилось. Второй наш выпуск выходит значительно позднее. Но главная его слабость не в этом. Отсутствие времени и достаточных сил сказываются и на его содержании. Мы чувствуем и сознаем его недостатки и, в то же время, бессильны избежать их. Мы не имели в виду издания его для широкой читающей публики, наша цель была — ознакомление товарищей с тем, что может быть от них ускользает. Но этим дело не кончается. Есть еще один и очень важный вопрос, который совершенно здесь не затрагивается, это русский вопрос в испанских событиях, наш взгляд, наша, может быть, критика и наши задачи в происходящих событиях. Всего этого нет здесь. Мы нашу задачу должны были ограничить только представлением того материала, который, может быть, не известен русскому читателю. В то время, мы должны были отказаться и от первоначальной нашей мысли — собирать материал и отправлять его в имеющиеся уже наши издания, так

как они слишком редко выходят и не могут в силу этого печатать многого из того, что имеет преходящий и текучий характер, а в то же время ознакомление с ним имеет значение для каждого анархиста и революционера. Мы сильно ограничили себя постановленной целью и не имели ни в какой степени намерения выходить из ее пределов, если условия не изменяются.

А они могут измениться, так как вторым номером заканчивается парижский бюллетень и следующие известия мы рассчитываем посылать непосредственно из Испании, куда теперь все оставшиеся здесь товарищи сейчас переезжают. Мы не можем сейчас еще ни о чем говорить и еще меньше обещать, пока не ознакомимся с условиями и самой обстановкой. Но именно хотим только сказать, что одной из главных наших задач там будет постановка информации русского анархического движения с теми событиями, которых свидетелями и участниками нам придется стать. Мы чувствуем и знаем, что это будет для нас очень тяжело выполнить, так как там станут и другие обязанности, которые в значительной мере будут нам мешать. Но мы думаем и верим, что испанские бюллетени будут лучше, чем то, что они представляют из себя теперь.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

Республика Труда в Каталонии

Никто в Испании, даже центральное правительство, у которого достаточно забот, чтобы не выпустить из под своего влияния синдикаты и милицию в Мадриде, не думают отрицать факта полной автономии в Каталонии после июльских событий.

Но, что имеет еще большее значение, это что национальное правительство (Генералитет), возглавляемый Компанисом, не представляет больше Каталонии в действительности. Фактически, авторитет в области как военной, так и экономической, принадлежит Центральному Комитету Антифашистских Милиций и Синдикатов Национальной Конференции Труда и Всеобщему Союзу Трудящихся).

Центральный Комитет Антифашистских Милиций, образованный из представителей различных политических течений и синдикальных объединений, на практике находящийся в руках анархо-синдикалистов и их союзников—социалистов. Этот Комитет принимает окончательные решения по вопросам охраны, военной организации колонн милиции, «Госпиталей Крови», снабжения милиции и реквизиции.

Состоящий, в большинстве, из представителей синдикатов, он работает в полном согласии с ними.

Наиболее ценный элемент антифашистских сил бесспорно — Национальная Конфедерация Труда и ее союзник — Иберийская Федерация Анархистов. Не все члены Н.К.Т. — анархисты, но все члены партии входят в синдикаты Н.К.Т. Понятно, настолько эти две организации (крупнейшие в Испании) взаимно переплетаются и могут всегда действовать вместе. Они обладают во всех слоях населения Каталонии (среди крестьян, рабочих, моряков, служащих, мелких коммерсантов) многочисленными сторонниками, чрезвычайно революционно стойкими и крайне энергичными. Как это охотно признается их политическими противниками в Испании, анархо-синдикалисты дважды спасли республику в этом году: первый раз, массовым голосованием за левых на последних выборах; вторично, выйдя на улицу в июле. Многочисленны были члены Н.К.Т. и И.Ф.А., с голыми руками или только с дубинками бросившиеся на пулеметы мятежников.

За группой Национальной Конфедерации Труда и Иберийской Федерацией Анархистов следует Всеобщий Союз Трудящихся. Это — объединение синдикатов, похожее на французскую Всеобщую Конфедерацию Труда, но настроенное более революционно, социалистически и которая, особенно в Каталонии, гораздо многочисленнее Н.К.Т.

Эти два синдикальные объединения, представляющие 80 проц. всех левых сил Каталонии, пришли к соглашению для без-

попядного ведения антифашистской борьбы, а также чтобы произвести экономическое переустройство, которое ими считается не менее неотложным, чем вооруженная борьба.

Часто приводятся примеры русских революционеров, принужденных одновременно биться с врагами и восстанавливать разрушенное хозяйство.

Каталонские синдикалисты совершили не меньше русских революционеров. Вынужденные, в первые дни, ожесточенно сражаться с фашистами и мятежными военными своей столицы и во многих других пунктах района, они смогли, раздавив врага внутри, послать на помощь своим братьям Арагоны и Сарагосу колонну в 10,000 бойцов, состоящую, в подавляющем большинстве из членов Н.К.Т. и И.Ф.А.

Им удалось, покидая Барселону, обеспечить город средствами сообщения, водой и электрической энергией. Что касается менее значительных центров Каталонии, где после бегства или поражения мятежников, жизнь пошла совершенно нормально.

Однако, большинство промышленников — бежало, часть технического персонала, в особенности иностранцы, покинули свои посты. Несмотря на это, производство повысилось. Новые заводы были основаны и, как, например, завод авиационных бомб в Барселоне, уже работает полным ходом.

Благодаря этим методам, синдикалисты смогли одновременно бороться со своими врагами и разрухой народного хозяйства. Они, просто на просто, передали в руки народа все предприятия общественного значения и большинство частных предприятий, который управляет этими предприятиями или через посредство синдикатов (общественные службы) или через посредство фабрично-заводских комитетов (частная промышленность), группирующих представителей всех категорий рабочих данного предприятия.

Вполне понятно, что за исключением общественных служб, работа прежде всего возобновилась в предприятиях наиболее

нужных для революционного дела. Потому то металлургическая и механическая промышленности (фабрики оружия, сварочных аппаратов) были реквизированы в первую очередь пролетариатом.

Эта реквизиция была узаконена решением Генералитета, который на основании заявления Ц.К. Милиций постановил, что с 15 августа все предприятия, хозяева которых не вернутся к этому сроку, а так же принадлежащие фашистам и мятежникам, будут окончательно реквизированы и управляемы Комитетом рабочих, под контролем делегата от правительства.

Так как фактическое управление находится под контролем синдикатов, а также и сами рабочие комитеты находятся под их влиянием, можно определить, что вся экономическая жизнь Каталонии будет контролироваться синдикатами, имея в виду, что формула «всякий хозяин более или менее помогающий мятежникам» достаточно растяжима и может быть применена к подавляющему большинству хозяев и директоров заводов большой и средней величины.

Вот что пишет по этому поводу Барселонская газета «Реновасьон», умеренно фашистского направления в статье «Коллективизация в Каталонии».

«В первые же моменты восстановления нормальной жизни в Барселоне пришлось разрешить ряд проблем, касающихся крупных предприятий. В одних — дирекция не вернулась на свои посты, в других — сами рабочие взяли непосредственно в свои руки и пустили в ход данное предприятие. В пример последнего случая приведем завод двигателей. Обычно на нем строились паровозы и двигатели дизеля. Рабочие организации, к которым принадлежит персонал войдя в контакт между собою, назначили комитет, вошедший в сношения с дирекцией. Этот комитет окончательно организован в следующем составе: 2 представителя рабочих Н.К.Т., 2 представителя от В.С.Т., 1 от технической секции Н.К.Т., 1 от секции И.Ф.А., 1 от дирекции. Так как Комитету Милиции потребовалось реквизировать этот завод, Генералитет де-

легировал инженера с целью направлять и давать советы рабочим у станков, если это потребуется. Весь персонал остался на своем посту, за исключением 30 неспециалистов, находящихся в распоряжении милиции, мы еще не можем провести сравнения между теперешней и существовавшей раньше производительностью, так как завод работает на военные нужды и перемена производства, конечно, расстроила обычный ритм работы.

Во всяком случае, ясно, что и в других отраслях, как мы это установили, коллективизированное хозяйство далеко превышает капиталистический порядок или, вернее, беспорядок».

В подтверждение последнего заявления, мы находим в той же газете в выдержке из «Информационного Бюллетеня Н.К.Т. и И.Ф.А.» статью о телефонной службе, которую мы кратко излагаем. Центральная Телефонная Станция на Каталонской площади особенно сильно пострадала во время событий 19-21 июля. 75 проц. включений были уничтожены бомбардировкой. Много стандартов были совершенно выведены из строя. В обычной обстановке потребовалось бы бесконечное количество времени, чтобы все восстановить: бюрократические формальности, запросы и т. д. Но, после взятия Центральной Станции, специалисты принялись за дело, зная, что это срочная и необходимая работа для рабочего класса. В три дня все было сделано, что потребовало бы гораздо большего времени при капиталистическом режиме. Сверх того, большое количество новых линий, связывающих посты милиции, политические партии, синдикаты и официальные центры, были проведены в минимальное время. Закончив эту работу, рабочие, на общем собрании выбрали ответственный комитет действия. Каждое Центральное бюро назначило делегата для связи с организациями. Экономическая сторона дела будет контролироваться Комитетом. Дирекцией и делегатом Генералитета.

«Комитет дес Абастос» заведует снабжением Барселоны. Этот Комитет назначает цены на продовольственные продукты

и предметы первой необходимости (табак, обмундирование для колонии милиции и т.д.). Поставщики в оплату получают боны также как и многие рестораны, где столоуются милиционеры. Эти боны официально гарантированы банковской наличностью Барселоны, а также громадной стоимостью ценностей, реквизированных в момент июльских событий. Иностранцы и жители, не принадлежащие к службе милиции, расплачиваются, как обычно, песетами.

С другой стороны, Ц.К. Милиции, Политические Партии и Синдикаты располагают многочисленными и поместительными домами, перешедшими в руки капиталистов в руки народа. Монастыри, крупные отели, элегантные клубы служат теперь госпиталями, казармами для милиционеров, яслями, народными ресторанами, просветительскими центрами. Все эти операции коллективизации были произведены без единого случая какого бы то ни было разграбления со стороны милиционеров или народа.

Свободно принятая всеми, милиционерами и тружениками, дисциплина превосходно выполняется. Каждый чувствует, что он работает для народа и потому для себя самого. Невозможно увидеть на улице в Барселоне милиционера, заходящего в кафе. Из строя вино и алкоголь — строго запрещены. И не надо думать, что здесь «запрещение» имеет тот же смысл, какой мы ему даем. Милиционер знает, что ему поручено то-то, а не приказали, и вот потому то они и выполнят всегда больше, чем от него потребуется, для народа, из которого он вышел.

Заканчивая, следует напомнить о том, что произошло в Барселоне в вечернем отношении около 10 августа 1936 года. В этот момент самоуправление Каталонии решило призвать 34, 35 и 36 годы и влить их в армию, как новобранцев, прежде чем отправить на фронт. Н.К.Т. и И.Ф.А. силой запротестовали и в результате манифестации более чем 10 тысяч новобранцев на улицах города, ставших на сторону Н.К.Т., Генералитет принужден был отступить и выполнить все, на чем настаивала мощ-

ная авархо - синдикалистическая организация. Три призванных возраста были влиты не в армию, а в антифашистскую милицию Каталонии. Одинаково одетые в синий оверкот, новые милиционеры не отличаются от своих братьев добровольцев, каталонцев и иностранцев. Сами назначают своих командиров, вышедших, как и они, из народа, имеющие только приобретенное доверие инструкторов, они составляют теперь настоящую армию пролетариата, или, точнее, вооруженный против фашизма пролетариат, что не одно и то же, что армия.

(Выдержка из «Фей либер» за сентябрь 1936 года и напечатанная в «Испания Антифашист»).

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ: Настоящая статья относится к более раннему периоду. Последующие события сильно изменили организацию власти в Каталонии, заменив правительство Генералитета Советом Генералитета, в который вошли представители синдикальных объединений, предоставив первое место представителям Н.К.Т., а Центральный Комитет Милиций потерял свое самостоятельное значение.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ

Испанские рабочие, антифашистские милиционеры, сражающиеся на всех фронтах против вампира - капитализма!

Ворцы Н.К.Ф. и И.Ф.А., с первого же дня занявшие первое место в борьбе, чтобы не допустить падения Испании под зло подлого режима диктатуры фашизма!

Ко всем вам, защитникам Свободы, Международное Товарищество Рабочих, с своей синдикалистской солидарностью, посылает свой братский привет. Оно подтверждает свою полную солидарность с вами.

Французские рабочие!

Где бы вы ни находились, во Франции или Испании, внимательно следите за событиями, происходящими в этой части Иберийского полуострова.

Борьба испанских рабочих против их капитализма — должна быть нашей борьбой, если мы хотим, чтобы их победа ста-

ла нашей и всего международного пролетариата.

Капитализм всех стран, тесно связанный общими интересами, бросил теперь армию наемников под командой преступных генералов. Он хочет навязать рабочим тот подлый и несправедливый режим, под гнетом которого находится итальянский и немецкий пролетариат.

Для этой гнусной работы, он собрал все свои силы — саблю, кропило и деньги — от убийц Ферреро до пистолетчиков безжалостного Мартинез Абло. Все эти паразиты, враги международного пролетариата, поклялись превратить Испанию в громадный концентрационный лагерь или в самое большое мировое кладбище. Высокопоставленные подонки общества, состоящие из всех властителей мира, готовы уничтожить половину Испании, чтобы господствовать над другой и прибавить лишнее звено к чудовишной цепи, превращающей пролетариев в современных рабов.

Но капитализм наткнулся на громадную силу. Во всех слоях испанского пролетариата выступила с непреклонной волей мощная добровольческая армия, создавшая с первых же дней неразрушимую стену для убийц фашистов. Помня еще о страданиях, пережитых в период кровавой диктатуры бесподобного Примо де Ривера, испанские рабочие решили бороться до конца, до последнего человека, до последнего патрона, чтобы избавить все человечество от этого срама.

Эти наши испанские братья, стойкие борцы за свободу, заранее подготовленные к революционной борьбе Н.К.Т., неистощимой в революционерах, благодаря идеологической помощи И.Ф.А. и Н.К.Т., ее революционному потенциалу, имеют ту силу, которая им помогает в борьбе за освобождение.

Им необходимо оказать помощь. Принесем им всю нашу материальную и моральную солидарность... Дадим им возможность получить необходимое оружие, чтобы остановить продвижение танков Муссолини и авиопов Гитлера. У них есть смелость; у них есть воля. Но этого недостаточно, чтобы сопротивляться бандитам Иностранного Легиона. Нужно создать вокруг антифашистской Испании благоприятное настроение и мнение. Пусть французский и мировой рабочий класс поймет, что будущая Испания — в руках международного пролетариата, как будущее человечество защищается испанскими милиционерами, без колебания проливающими свою кровь на фронтах Арагоны и Мадрида.

Все против убийцы — капитализма! Против сейфов интернациональных бандитов противопоставим мировое сознание пролетариата.

Мы не должны забывать, что капитализм — победитель в Испании не остановится на этом. Он продолжит свое движение вперед и Франция и Бельгия вскоре сделаются театром действия, на котором кровавые насильники Франко дадут бандам Дорно и Рекса ту помощь и поддержку, самой первой жертвой которых будет французский пролетариат.

(Окончание следует).

ЗАЯВЛЕНИЕ

Следующий очередной номер «Пробуждения» выйдет в увеличенном размере, как юбилейный. А поэтому убедительно просим все организации и отдельных товарищей — сообщить нам раньше — сколько номеров вы желали-бы получить для распространения. Желательно и необходимо, чтобы все товарищи не задерживали денег за проданные номера журнала и высылали регулярно за каждый номер.

Секретарь.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников
Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”
9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.